

М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова

Аспекты права на суд: новейшие тенденции

Право на справедливое судебное разбирательство получило практически максимально детализированное раскрытие в практике Европейского суда по правам человека. За прошедшие десятилетия не только устоялось понимание характеристик, закрепленных в ст. 6 Конвенции по правам человека, но и фактически созданы новые стандарты справедливого судебного разбирательства, не предусмотренные соглашением договаривающихся сторон. Учитывая постепенное развитие системы гарантий права на суд в практике ЕСПЧ, допускаемую самим Судом (хотя и довольно редко) возможность изменения устоявшегося подхода, а также обязательность следования его позициям на национальном уровне, "мониторинг" его деятельности в сфере толкования и применения стандартов справедливого судебного разбирательства представляется не только теоретически интересным, но и практически полезным.

M.A. Rozhkova, M.E. Glazkova The Right to a Fair Trial: the Latest Trends

The Right to a fair trial has received the practically most detailed disclosure in the case-law of the European Court of Human Rights. Over the past decade, there has been established not only the understanding of the characteristics set out in Article 6 of the Convention, but actually created new standards of a fair trial, not foreseen by the agreement of the contracting parties. Given the gradual development of a system of guarantees of a fair trial in ECHR practice, the ability to change established approaches, allowed by the Court itself (albeit rarely), as well as an obligation to pursue its positions at the national level, "monitoring" of its activities in the field of interpretation and application of a fair trial standards seems not only theoretically interesting but practically useful.

Пункт 1 ст. 6 Конвенции в официальном переводе на русский язык закрепляет следующее: "Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия".

Названный пункт указанной статьи Конвенции гарантирует **право на суд**. В отечественных публикациях это право обозначается обычно как "право на справедливый суд" или "право на справедливое судебное разбирательство", что, бесспорно, сужает содержание этого права, которое на самом деле имеет многоаспектный характер и не исчерпывается требованием о соответствии этого разбирательства лишь принципу справедливости процесса.

Практика Европейского суда свидетельствует о том, что в последние годы Суд серьезно обновил свои подходы к содержанию права на суд, пытаясь обозначить те грани, которые характерны для истинно справедливого судебного процесса. Это связано с тем, что по жалобам на нарушение права на суд ЕСПЧ приходится исследовать различные аспекты проведенного национального судебного разбирательства, что в конечном счете и позволяет сделать вывод относительно соответствия этого разбирательства п. 1 ст. 6 Конвенции.

Анализ выводов, сформулированных в прецедентной практике Суда, свидетельствует о том, что право на суд может считаться надлежащим образом реализованным, если при рассмотрении дела заявителя в национальном суде государства-ответчика не были нарушены аспекты:

- 1) "доступности" суда (доступа к правосудию);
- 2) рассмотрения дела судом, созданным на основании закона;
- 3) независимости и беспристрастности суда;
- 4) справедливости судебного разбирательства;
- 5) публичности судебного разбирательства;
- 6) правовой определенности и приведения в исполнение окончательного судебного решения;
- 7) разумности срока судебного разбирательства.

Причем каждый из названных аспектов "оброс" в практике Суда серьезным багажом прецедентов, в которых раскрывается та или иная его сторона. Вследствие этого Европейский суд может признать право на суд соблюденным только при условии соответствия проведенного национального судебного разбирательства по делу заявителя **всем названным аспектам**. Если же при проведении национального судебного разбирательства имело место нарушение какой-либо составляющей права на суд, Суд признает данное право нарушенным.

Важно заметить, что оценка реализации права заявителя на суд предполагает учет прецедентов толкования норм п. 1 ст. 6 Конвенции, выработанных Европейским судом как в отношении дел "по уголовным обвинениям", так и в отношении "споров о гражданских правах и обязанностях"¹ (к которым относят дела, рассматриваемые в рамках гражданского и административного судопроизводства). Исключения составляют лишь те положения, определяющие процедуру уголовных дел, которые не могут быть применены в гражданском и административном процессе в силу своей специфики. В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание читателей на то, что Европейским судом были разработаны два руководства по статье 6 Конвенции "Право на справедливое судебное разбирательство": в одном рассматривается уголовно-правовой аспект, в другом - гражданско-правовой (переводы обоих этих Руководств включены в раздел "Тексты и материалы" настоящего Ежегодника).

1. Аспект "доступности" суда (доступ к правосудию)

Данный аспект, достаточно часто упоминаемый в различных публикациях, прямо не назван в п. 1 ст. 6 Конвенции. Однако содержание названного пункта Конвенции в совокупности с фундаментальными постулатами, устанавливающими право каждого требовать судебной защиты и

---

¹ В п. 213 Практического руководства по критериям приемлемости, подготовленного Европейским судом, отмечается, что понятие "гражданские права и обязанности" не может толковаться сквозь призму внутреннего права государства-ответчика; речь идет об "автономном понятии, вытекающем из Конвенции" (http://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_RUS.pdf). Отделение "гражданских прав и обязанностей" от иных, также не относящихся к уголовно-правовой сфере, противоречит цели Конвенции, поэтому данное понятие толкуется как охватывающее все иные права, которые не имеют уголовно-правового характера (см., например, Особое мнение судьи Лукиса Г. Лукайдеса к Постановлению Большой Палаты ЕСПЧ от 5 октября 2000 г. по делу "Маауия против Франции" (*Maauia v. France*, N 39652/98)). Важно заметить, что Европейский суд изначально исходил из того, что ст. 6 Конвенции применима к разбирательству, происходящему и в конституционном суде, если результат такого разбирательства непосредственно и существенным образом затрагивает гражданские права и обязанности (дело "Краска против Швейцарии" (*Kraska v. Switzerland*, 19 апреля 1993 г.)). Практика ЕСПЧ относит к сфере применения ст. 6 Конвенции не только классические "гражданско-правовые" споры, но и разбирательства, относящиеся в силу национального законодательства к сфере "публичного права", но их результат определяет права и обязанности частного характера. Это, например, вопросы выдачи разрешения на продажу земельного участка в деле "Рингайзен против Австрии" (*Ringeisen v. Austria*, 16 июля 1971 г.), управления частной клиникой в деле "Кениг против Германии" (*König v. Germany*, 28 июня 1978 г.), разрешения на строительство в деле "Спорронг и Лоннрот против Швеции" (*Sporrong and Lönnroth v. Sweden*, 23 сентября 1982 г.), административного разрешения относительно условий осуществления деятельности в деле "Бентем против Нидерландов" (*Benthem v. the Netherlands*, 23 октября 1985 г.) или лицензии на продажу алкогольных напитков в деле "Трактерер АБ против Швеции" (*Traktörer AB v. Sweden*, 7 июля 1989 г.), отмены административного решения, ущемляющего права заявителя, в деле "де Жоффр де ля Праделль против Франции" (*De Geouffre de la Pradelle v. France*, 16 декабря 1992 г.) и проч. В Руководстве по статье 6 Конвенции "Право на справедливое судебное разбирательство" (гражданско-правовой аспект) называются и другие дела, подпадающие под понятие "спор о гражданских правах и обязанностях" (см. п. п. 23 - 28).

общий запрет на отказ в судебной защите, позволили Европейскому суду изначально рассматривать доступность суда как одну из обязательных составляющих права на суд².

"Доступность" суда рассматривается как совокупность условий, создающих возможность для беспрепятственного обращения всякого заинтересованного лица в национальный суд за защитой своих нарушенных или оспоренных прав. Причем обеспечение реализации права на суд в аспекте доступа к суду может быть достигнуто двумя взаимообусловленными способами.

Первым способом реализации доступа к правосудию является **недопущение создания препятствий** (юридического, политического или технического характера), которые затрудняют или вовсе исключают возможность для граждан и юридических лиц реализовать свое право на суд.

Примером создания государством юридических препятствий для защиты в судебном порядке прав частных лиц (как граждан, так и организаций), выявленным в практике Европейского суда, служит введение в действие законодательных положений, влияющих на результат длящегося судебного спора (в особенности в сферах, предполагающих возможность многочисленных обращений со стороны частных лиц с требованием к государству, к примеру, о взыскании причитающихся выплат, компенсаций).

Так, в деле "М.С. и другие против Италии"³ заявителями было обжаловано законодательное вмешательство, препятствующее переоценке компенсации постоянного ущерба, причиненного вследствие заражения ВИЧ, гепатитами В и С после переливания крови или введения продуктов крови. ЕСПЧ определил, что закон, принятый во время судебного процесса, стороной в котором выступало государство, установил критерии, предопределившие исход длящегося судебного разбирательства. Кроме того, этот закон сделал неэффективными решения, вынесенные в пользу отдельных заявителей, повлек прекращение исполнения решений, благоприятных для них, и лишил смысла возможные жалобы заявителей на отклонение их требований. Практический интерес представляет вывод Суда в отношении цели принятия такого закона: если таковая состоит в сохранении собственных финансовых интересов государства и не соответствует "неотложным основаниям общего интереса", эта цель не может оправдать вмешательство государства и свидетельствует о нарушении им принципа верховенства закона, а также лишение частных лиц права на справедливый суд.

Препятствия технического характера, приводящие к нарушению права на суд, ЕСПЧ выявил в ситуации возвращения национальным судом заявителю искового заявления по причине того, что им был указан лишь адрес для корреспонденции, но не адрес его постоянного места жительства (заявитель не имел постоянного или зарегистрированного места жительства, о чем уведомил суд)⁴. При этом Европейский суд отметил следующее: "Принимая решение о том, что заявитель не сможет предъявить иск, пока не укажет свое место жительства, национальные суды не только наказали его за несоблюдение формального требования. Они также установили для заявителя существенные ограничения, препятствующие рассмотрению его гражданских требований судами. Таким образом, в настоящем деле затронута не просто проблема толкования правовых норм в обычном контексте, но проблема необоснованного толкования процессуального требования, которое препятствовало рассмотрению исков заявителя по существу и поэтому затрагивало сущность его права на обращение в суд".

Важно заметить, что запрет на создание препятствий в обращении к суду распространяется как на первую, так и на последующие судебные инстанции. По этому поводу ЕСПЧ указал следующее: "Европейский суд повторяет, что статья 6 Конвенции не вынуждает

---

² См., например: Постановление ЕСПЧ от 21 февраля 1975 г. по делу "Голдер против Соединенного Королевства" (Golder v. UK).

³ Постановление ЕСПЧ от 3 сентября 2013 г. по делу "М.С. и другие против Италии" (M.C. and Others v. Italy, N 5376/11).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2009 г. по делу "Сергей Смирнов против России" (Sergey Smirnov v. Russia, N 14085/04).

Договаривающиеся Государства устанавливать систему апелляционных или кассационных судов. Однако, если такие суды существуют, то должны соблюдаться гарантии, закрепленные статьей 6 Конвенции, например, что сторонам процесса гарантируется право на доступ к суду"⁵. То есть создание упомянутых препятствий к апелляционному, кассационному или иному обжалованию либо оспариванию вынесенных решений представляет собой нарушение права на суд в аспекте доступности суда.

Такого рода нарушения были предметом рассмотрения Европейского суда. Например, в деле "Мельник против Украины"⁶ ЕСПЧ, установив, что национальным законом был сокращен срок подачи кассационной жалобы, но на жалобу заявителя новый срок подачи был распространен необоснованно, сделал вывод о том, что тем самым было нарушено право заявителя на суд в аспекте доступа к суду.

Второй способ реализации "доступности" суда - **совершение государством необходимых позитивных действий** для создания условий для беспрепятственного обращения всякого заинтересованного лица в суд за защитой своих нарушенных или оспоренных прав, т.е. облегчение доступности суда⁷.

Для целей облегчения доступности суда **на законодательные органы государства** возлагается, в частности, обязательство по осуществлению следующих мер⁸:

1) упрощение порядка возбуждения производства по делу и ведения дела в суде, упрощение процедуры судебного разбирательства, установление упрощенных процедур рассмотрения определенных категорий дел;

2) решение вопросов подведомственности и подсудности исходя из правила о важности территориальной **приближенности** судов к месту жительства (месту нахождения) лиц, обращающихся за судебной защитой, а также закрепление структуры судебной системы, которая обеспечит территориальную доступность судов;

3) создание системы **льгот** при уплате государственной пошлины и других судебных расходов, а также установление оснований и механизмов освобождения от уплаты этих расходов или уменьшения их размера (напротив, нечеткое разрешение вопросов подсудности может влечь за собой нарушение права на суд в аспекте доступа к правосудию⁹);

4) установление оптимальных и предвидимых сроков рассмотрения дел в суде.

На **судебные органы**, как правило, возлагается обязанность по информированию общественности о месте нахождения и компетенции судов, порядке обращения в суд и уплаты

⁵ См.: Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу "Дунаев против России" (Dunayev v Russia, N 70142/01).

⁶ Постановление ЕСПЧ от 28 марта 2006 г. по делу "Мельник против Украины" (Melnyk v. Ukraina, N 23436/03).

⁷ К типичным обстоятельствам, препятствующим реализации права на доступ в суд, в частности, относятся:

- усложненные или формализованные процедуры принятия и рассмотрения заявлений;
- чрезмерно короткие сроки обращения с требованием в суд;
- ограничение или лишение определенного лица (категории лиц) права самостоятельно инициировать возбуждение дела;
- отсутствие возможности обжаловать в суде решение (действие), затрагивающее права и законные интересы лица;
- высокие ставки судебных пошлин;
- недоступность квалифицированной юридической помощи (по сложным делам или если законом предусмотрено обязательное наличие защитника);
- отсутствие упрощенных процедур рассмотрения несложных дел и дел о правах, требующих оперативной защиты, и др.

⁸ Подобные положения содержались, например, в Резолюции Комитета Министров Совета Европы от 2 мая 1978 г. (78) о юридической помощи и консультациях, Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. R(81)7 о способах облегчения доступа к правосудию, от 28 февраля 1984 г. R(84)5 о принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы, от 8 января 1993 г. R(93)1 об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных слоев населения, а также в иных международных документах Совета Европы, указанных в Приложении 2 к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 18 сентября 2002 г. R(2002)12 об учреждении Европейской комиссии по эффективности правосудия.

⁹ См., например: Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2009 г. по делу "Безымьянная против России" (Bezmyannaya v. Russia, N 21851/03).

государственной пошлины и т.д. Такого рода требования были закреплены, например, в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. R(81)7 о способах облегчения доступа к правосудию. Эта Рекомендация, в частности, предусматривает, что в самом суде либо в иной компетентной службе может быть представлена следующая информация общего характера: 1) процессуальные нормы (эта информация не должна содержать юридических советов по существу дела); 2) порядок обращения в суд и сроки, в течение которых это обращение возможно; 3) предусмотренные законом требования к такому обращению и необходимые в связи с этим документы; 4) порядок выполнения решения суда и по возможности расходы по его выполнению.

Вследствие сказанного нарушением права на суд может быть признано как **создание препятствий** для обращения в суд заинтересованного лица, так и **неисполнение государством позитивной обязанности** по обеспечению доступа к правосудию.

Надо отметить то, что Европейский суд в своей практике издавна исходит из того, что под понятием "суд" нельзя понимать только "**суд, входящий в государственную судебную систему**" (дело "Литгоу и другие против Соединенного Королевства"¹⁰). Позиция Европейского суда состоит в том, что понятием "суд" охватываются также органы, хотя и не входящие в государственную судебную систему, но независимые от спорящих сторон и исполнительной власти, созданные на основании закона для разрешения определенных вопросов и осуществляющие свои полномочия в соответствии с процедурой, предоставляющей гарантию законности¹¹.

Кроме того, в практике Европейского суда получило закрепление правило о том, что Конвенция не препятствует сторонам **добровольно** отказаться от прав, предоставляемых ею. В частности, еще Европейской комиссией по правам человека признавалось, что, избирая третейский суд, заявитель тем самым отказывается от права на судебное разбирательство в **государственном** суде, что не противоречит ст. 6 Конвенции (дело "Акселссон и другие против Швеции"¹²)¹³. Вследствие этого выбор сторонами третейского суда вместо государственного не может рассматриваться как не соответствующий Конвенции (притом, как обычно отмечается, что допустим судебный контроль за соблюдением третейским судом (арбитражем) процессуальных стандартов).

В то же время ЕСПЧ высказана позиция, согласно которой установление **обязанности** передать требование на рассмотрение третейских органов не отвечает основополагающим гарантиям п. 1 ст. 6 Конвенции, а в условиях нежелания заявителя отказываться от таких гарантий признается нарушением права на разбирательство дела судом¹⁴.

Право на суд в аспекте "доступности" суда не рассматривается Европейским судом как абсолютное - оно может быть ограничено, например, в интересах надлежащего отправления правосудия. В частности, такие ограничения могут быть предусмотрены законом в отношении лиц, склонных к сутяжничеству, душевнобольных на время их лечения, а также в других исключительных случаях, преследующих легитимную цель (например, установление национальным законодательством пресекательных процессуальных сроков, исключительной подсудности и т.п.). Однако вводимые государством ограничения доступа к правосудию должны преследовать законную цель, быть соразмерными ей с точки зрения используемых средств,

---

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 8 июля 1986 г. по делу "Литгоу и другие против Соединенного Королевства" (Lithgow and Others v. the United Kingdom, N 9006/80; 9262/81; 9263/81; 9265/81; 9266/81; 9313/81; 9405/81).

¹¹ Сформулированная в данном деле позиция была подтверждена ЕСПЧ в сравнительно недавнем Постановлении от 3 апреля 2008 г. по делу "Риджент компани против Украины" (Regent Company v. Ukraine, N 773/03).

¹² Решение о признании жалобы неприемлемой от 13 июля 1990 г. по делу дело "Акселссон и другие против Швеции" (Axelsson and Others v. Sweden, N 11960/86).

¹³ Европейская комиссия по правам человека в данном деле подчеркнула, что рассмотрение дел в третейских судах преследует легитимную цель освободить государственные суды от чрезмерной нагрузки.

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2010 г. по делу "Суда против Чешской Республики" (Suda v. Czech Republic, N 1643/06); упомянутое ранее дело "Мельник против Украины".

учитывать баланс публичных и частных интересов и не должны абсолютно лишать лицо права на суд, наносить ущерб самой сути этого права.

Например, в деле "Зыльков против России"¹⁵ заявитель пытался оспорить в суде решение отдела социального обеспечения Посольства Российской Федерации в Вильнюсе (Литва) в отношении его права на получение детского пособия согласно российскому законодательству. Пресненский районный суд г. Москвы отказался рассматривать предъявленную заявителем, российским гражданином, жалобу против российского государственного органа, зарегистрированного в соответствии с российским законодательством, указав на то, что вопрос относится к юрисдикции Литвы. Европейский суд в связи со сложившейся ситуацией подчеркнул следующее: "Европейский суд не убежден ходом рассуждений властей Российской Федерации о том, что литовский суд имеет юрисдикцию для разрешения спора между российским гражданином и российским дипломатическим органом, регулируемого российским законодательством. В этой связи он отмечает, что, освобождая себя от разрешения спора, российские суды не ссылались на какой-либо закон, указывающий на то, что литовские суды компетентны в разрешении вопроса. Российские суды также не указали, каким образом их позиция о том, что вопрос должен разрешить иностранный суд, соответствует принципу международного права о государственном иммунитете и, в частности, принципу **par in parem non habet jurisdictionem**. При обстоятельствах настоящего дела ссылка на внутренние правила подсудности, действующие в Российской Федерации, или на соглашение о взаимной правовой помощи между Россией и Литвой не имеет значения. Европейский суд находит поразительным, что российские правовые органы рекомендовали заявителю обратиться в иностранный суд, даже не оценив, выполнимо ли это действие ввиду соответствующих положений Венской конвенции о дипломатических сношениях или Договора между Россией и Литвой". С учетом вышесказанного ЕСПЧ признал нарушенным право заявителя на суд, отметив, что сложившаяся ситуация представляет собой отказ в правосудии, который умаляет само существо права заявителя на доступ к правосудию.

Интересна и позиция Европейского суда относительно совместимости с правом на доступ к правосудию возможности применения на национальном уровне **штрафов за безрезультатное оспаривание принятого по делу судебного акта**. Как таковая данная возможность не расценивается международным судом в качестве несовместимой с правом на доступ к суду. Однако применение подобного штрафа, как и любое другое ограничение данного права на национальном уровне, должно преследовать законную цель и быть соразмерным (пропорциональным). В деле "Садже Электрик Тиджарет ве Санайи А.Ш. против Турции"¹⁶ ЕСПЧ назвал в качестве законной цели введения государствами подобной меры воспрепятствование загрузке судов и обеспечение надлежащего осуществления правосудия и защиты прав других лиц. Вместе с тем, руководствуясь упомянутым критерием соразмерности вводимого ограничения с точки зрения баланса публичных и частных интересов, сумма штрафа в размере 140 тыс. евро была признана Европейским судом значительным финансовым бременем, а его взыскание в беспорядке ("в отсутствие какой-либо дискреции со стороны судов страны") - нарушением права на доступ к суду.

При рассмотрении доступности правосудия как одного из аспектов права на суд необходимо обратить внимание на то, что ЕСПЧ в своих постановлениях неоднократно обращал внимание на обязанность государств - участников Конвенции в рамках своей юрисдикции гарантировать каждому лицу право на рассмотрение его дела посредством осуществления **производства, имеющего атрибуты судебной формы контроля**. Следовательно, если законом предусмотрен административный порядок разрешения споров, должно соблюдаться одно из требований:

- либо органы, принимающие первоначальное решение по вопросу о правах или обязанностях заявителя, должны соответствовать предусмотренным стандартам отправления

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 21 июня 2011 г. по делу "Зыльков против России" (Zylkov v. Russia, N 5613/04).

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 22 октября 2013 г. по делу "Садже Электрик Тиджарет ве Санайи А.Ш. против Турции" (Sace Elektrik Ticaret ve Sanayi A.S. v. Turkey, N 20577/05).

правосудия (п. 1 ст. 6 Конвенции)¹⁷;

- либо, если такие органы не соответствуют стандартам отправления правосудия, их решения должны подвергаться последующему контролю со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой полномочий и призванного обеспечить соблюдение требований п. 1 ст. 6 Конвенции¹⁸.

В развитие сказанного надо заметить, что в своих постановлениях Европейский суд отмечает недопустимость смешения компетенции судебных и несудебных органов. Например, в деле "Шевроль против Франции"¹⁹ Европейским судом было установлено следующее. В соответствии со своей прецедентной практикой Государственный совет Франции (высший орган административной юстиции), решая вопрос о применении норм международного соглашения при рассмотрении дела, полностью полагался на мнение органа исполнительной власти - министра иностранных дел. Полученная от него рекомендация была решающей для исхода дела: заявительнице было отказано в рассмотрении дополнительных фактических доказательств, которые, с ее точки зрения, могли опровергнуть позицию министра. Европейский суд расценил действия национального судебного органа как отказ от предоставленных ему законом властных полномочий по проверке и рассмотрению "вопросов факта", которые могли иметь существенное значение для разрешения спора. С учетом этого Суд сделал вывод о том, что лицо, обратившееся за судебной защитой (заявительница), было лишено права на разбирательство его дела судом, обладающим необходимой для вынесения решения властью рассматривать все относимые вопросы факта и права.

Таким образом, Европейский суд не исключает возможности рассмотрения определенных категорий дел несудебными (в частности, административными) органами при условии, что национальное законодательство предусматривает право обжалования (оспаривания) принятого решения в **судебном порядке**. Иной подход создает условия для произвольного лишения лиц права на судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов, что делает нормы п. 1 ст. 6 Конвенции бесполезными, априори неэффективными.

Так, в деле "Аль-Дулими и компания "Монтана менеджмент Инк." против Швейцарии"²⁰ ЕСПЧ признал нарушением права на доступ к суду отсутствие права на обжалование в национальный суд санкций, примененных к заявителям на основании резолюций Совета Безопасности ООН. Заявители были включены в перечень видных представителей бывшего иракского режима и их ближайших родственников, на основании которого в Швейцарии к ним были применены меры по замораживанию активов и экономических ресурсов. Вследствие отсутствия реакции со стороны санкционного комитета ООН на обращение заявителей об исключении их из данного перечня они обратились в национальные суды Швейцарии, обжалуя решение Федерального департамента по экономическим делам о конфискации их активов. Европейский суд отметил, что, поскольку на уровне ООН не существует эффективного и независимого судебного рассмотрения законности занесения физических и юридических лиц в эти списки, важно, чтобы эти лица и организации имели право ходатайствовать о рассмотрении в национальных судах любых мер, принятых в осуществление режима санкций. Заявители же не имели возможности воспользоваться таким порядком, что нарушило их право на доступ к суду.

В практике ЕСПЧ сформулирована позиция, согласно которой государство не может безоговорочно и бесконтрольно изъять из юрисдикции судов группу гражданских исков или освободить определенную категорию лиц от всякой ответственности, не проигнорировав при этом

---

¹⁷ См., например: Постановление ЕСПЧ от 27 мая 2003 г. по делу "Кришан против Румынии" (Crisan v. Romania, N 42930/98).

¹⁸ См., например: Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2014 г. по делу "Гранде Стивенс и другие против Италии" (Grande Stevens and Others v. Italy, N 18640/10; и др.).

¹⁹ Постановление от 13 февраля 2002 г. по делу "Шевроль против Франции" (Chevrol v. France).

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 26 ноября 2013 г. по делу "Аль-Дулими и компания "Монтана менеджмент Инк." против Швейцарии" (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v Switzerland, N 5809/08). Следует оговориться, что Постановление было принято четырьмя голосами против трех, а 14 апреля 2014 г. дело было передано на рассмотрение Большой Палаты ЕСПЧ по требованию Швейцарии.

принцип верховенства права и п. 1 ст. 6 Конвенции²¹. Данная позиция с учетом обстоятельств конкретного дела распространяется в том числе и на применение судебного иммунитета государств.

Так, в деле "Олейников против России"²² ЕСПЧ установил, что национальные суды отказали в рассмотрении иска заявителю, применив абсолютный государственный иммунитет от юрисдикции без какого-либо анализа первоначальной сделки, нормы международного договора между Российской Федерацией и КНДР, а также применимые в данном случае принципы обычного международного права. Заявитель обратился в российский суд с иском к торговому представительству посольства КНДР в Российской Федерации о возврате суммы займа и процентов. Признавая законной целью введения на национальном уровне ограничения доступа к суду, Европейский суд оценил отказ рассмотреть гражданско-правовое требование к представительству иностранного государства с позиции соразмерности данной цели. Суд отметил, что заявителю было отказано в доступе к суду на основании бланкетного запрета на предъявление требований к иностранным государствам без оценки природы сделки, являвшейся основанием иска, и без учета положений международного договора между Российской Федерацией и КНДР (в приложении к которому урегулированы вопросы ответственности по сделкам торгового представительства и его иммунитета), а также признанного Россией ограниченного иммунитета как принципа обычного международного права. Из этого ЕСПЧ заключил, что национальные суды не обеспечили разумное соотношение пропорциональности ограничения его цели и умалили существо права на доступ к суду.

2. Аспект рассмотрения дела судом, созданным на основании закона

Данный аспект прямо назван в п. 1 ст. 6 Конвенции, и его суть состоит в том, что **судебный орган, на рассмотрение которого передано дело заявителя, должен быть учрежден в соответствии с законом, действовать на основании закона и в силу закона обладать компетенцией на рассмотрение переданного ему дела.** Соблюдение обозначенных требований, составляющих рассматриваемый аспект, исключает вероятность лишения лица права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к компетенции которых оно отнесено законом²³. Характеризуя его, следует подчеркнуть следующее.

Во-первых, рассматриваемый аспект, как это следует из практики Европейского суда, **распространяется на деятельность как профессиональных, так и непрофессиональных судей**, в том числе лиц, привлекаемых в соответствии с национальным законодательством к отправлению правосудия (например, заседателей).

Такой подход обусловлен упоминавшимся ранее широким толкованием понятия "суд", под которым принято понимать юрисдикционный орган, решающий вопросы, отнесенные к его компетенции на основе норм права, в соответствии с установленной процедурой²⁴. При этом такой орган должен обладать полномочиями принимать **окончательные решения, являющиеся юридически обязательными**²⁵ (об окончательных судебных решениях см. п. 6 настоящей работы). Вследствие этого под понятие "суд" подпадают не только государственные суды, но и арбитражи (третейские суды), а также различные квазисудебные органы, осуществляющие контрольные функции с атрибутами судебной формы: корпоративные дисциплинарные органы, квалификационные коллегии судей и адвокатов и т.п.

²¹ См., например: Постановление ЕСПЧ от 30 января 2003 г. по делу "Кордова против Италии" (Cordova v. Italy).

²² Постановление ЕСПЧ от 14 марта 2013 г. по делу "Олейников против России" (Oleynikov v. Russia, N 36703/04).

²³ В п. 1 ст. 47 Конституции РФ схожее положение звучит следующим образом: "Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом".

²⁴ См.: Постановление ЕСПЧ от 29 апреля 1988 г. по делу "Белилос против Швейцарии" (Belilos v. Switzerland).

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 22 октября 1984 г. по делу "Срабек против Австрии" (Sramek v. Austria).

В то же время Европейский суд не признал прокурора, в силу национального законодательства обладающего той же степенью независимости, что и судья, подпадающим под понятие "суд" в контексте ст. 6 Конвенции. В деле "Общество с ограниченной ответственностью "Злинсат" против Болгарии"²⁶ прокуратурой было принято постановление о приостановлении приватизации заявителем гостиницы, а затем заявитель был лишен имущества на основании положений внутреннего законодательства, позволяющего оспорить сделку, совершенную в ущерб интересам государства. Признав, что прокуратура действовала по собственной инициативе, рассмотрение данного вопроса осуществлялось без участия компании-заявителя, причем национальное законодательство не устанавливало порядок ведения производства по делу, не решало вопрос о допустимости доказательств, а кроме того, законодательство не предусматривало возможности судебного контроля за подобными постановлениями прокуратуры (допускалась только возможность обжалования решения в вышестоящие органы прокуратуры), Европейский суд подтвердил, что прокуроров нельзя считать должностными лицами, наделенными правом осуществлять судебные функции. По итогам рассмотрения данного дела Суд сделал вывод о нарушении права заявителя на суд, поскольку органы прокуратуры не могут считаться независимыми и беспристрастными судебными органами, а судебный контроль за их решениями был исключен.

Во-вторых, при решении вопроса о том, является ли суд, рассмотревший конкретное дело, созданным на основании закона, Европейским судом учитывается не только (и не столько) соответствие создания **самого суда** законодательным актам, но и ряд других оснований. В частности, для вывода о том, что суд был создан на основании закона, необходимо, чтобы не было допущено нарушений при:

- назначении судьи-докладчика (в производстве которого находится дело);
- формировании состава суда по делу;
- рассмотрении ходатайств об отводе судьи (судей);
- рассмотрении ходатайств о самоотводе судьи.

Например, следуя широкому толкованию понятия "суд", в Постановлении по делу "Посохов против России"²⁷ Европейский суд признал, что Рассмотрение дела заявителя **народными заседателями, которые были назначены в нарушение установленного законом порядка**, нарушает право заявителя на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона. В данном Постановлении указывалось, что словосочетание "созданный на основании закона" относится не только к правовому основанию самого существования суда, но и к составу суда по каждому конкретному делу.

Вследствие такого подхода, например, неправильное определение характера оспариваемого акта органа власти - нормативный или ненормативный, приведшее к тому, что дело было разрешено посредством **единоличного** рассмотрения судьей вместо предусмотренного законом **коллегиального** состава суда, позволяет ставить вопрос о незаконном составе суда, который не может рассматриваться в качестве "суда, созданного на основании закона".

В-третьих, необходимо отметить, что при исследовании вопроса, является ли суд государства-ответчика судом, созданным на основании закона, Европейский суд исходит из позиции, что нарушения правил подсудности являются **существенными (фундаментальными) нарушениями**. На это он прямо указал, в частности, в Постановлении по делу "Пшеничный против России", отметив, что "предшествующие судебные разбирательства были запятнаны допущенными фундаментальными дефектами, такими как, в частности, ошибка подсудности,

---

²⁶ Постановление ЕСПЧ от 15 июня 2006 г. по делу "Общество с ограниченной ответственностью "Злинсат" против Болгарии" (Zlinsat Spol. S.R.O. v Bulgaria, N 57785/00).

²⁷ Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2003 г. по делу "Посохов против России" (Posokhov v. Russia, N 63486/00). Схожие обстоятельства были установлены Европейским судом, в частности, в делах "Федотова против России" (Fedotova v. Russia, N 73225/01), "Захаркин против России" (Zakharkin v. Russia, N 1555/04).

существенные процессуальные нарушения или злоупотребление властью"²⁸.

3. Аспекты независимости и беспристрастности суда

Анализ современной литературы свидетельствует о том, что понятия "независимость суда" и "беспристрастность суда" нередко не разграничиваются и воспринимаются как единое условие надлежащего отправления правосудия.

Вместе с тем, например, в Рекомендации CM/Rec(2010)12 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно судей: независимость, эффективность и ответственность²⁹ закреплено, что независимость судей не только является неотъемлемым элементом верховенства права, но и необходима для беспристрастности судей и вообще функционирования всей судебной системы. То есть указанные понятия явно разграничены, причем беспристрастность подчинена независимости.

Схожее положение можно обнаружить и в п. 16 Заключения Консультативного совета европейских судей от 19 ноября 2002 г. "О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности, этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность", согласно которому независимость "дополняется беспристрастностью судей и в то же время является ее условием, что необходимо для обеспечения надежности судебной системы и для доверия, которым она должна пользоваться в демократическом обществе".

Это подтверждает мнение о том, что понятия "независимость суда" и "беспристрастность суда", бесспорно, прочно связанные между собой³⁰, имеют каждое свое содержание и не могут подменять одно другое. Но каково соотношение обозначенных понятий?

Примечательно, что понятия "независимость суда" и "беспристрастность суда" четко разделяются ЕСПЧ. Однако их тесная связь приводит к тому, что ЕСПЧ применительно к конкретным делам нередко рассматривает их во взаимосвязи исходя из следующего посыла: зависимый от кого-либо суд не может в полной мере быть беспристрастным, а "пристрастный" суд является субъективно зависимым.

Независимость суда понимается как его автономность от государственной власти и от участвующих в деле лиц, т.е. суд должен быть в равной степени независимым как **от государственной власти**, так и от **участвующих в деле сторон**. Причем это требование в равной мере распространяется как на постоянно действующих профессиональных судей, так и на непрофессиональных судей³¹, в том числе лиц, привлекаемых в соответствии с национальным законодательством к отпращиванию правосудия (к примеру, по делам против России речь шла об арбитражных или народных заседателях³²).

В случае ненадлежащего влияния на суд со стороны государственных или иных органов, осуществляющих публичные функции, есть все основания для вывода о нарушении права на суд,

²⁸ Постановление ЕСПЧ от 14 февраля 2008 г. по делу "Пшеничный против России" (Pshenichy v. Russia, N 30422/03).

²⁹ Recommendation CM/Rec(2010)12 of the Committee of Ministers to Member States on Judges: Independence, Efficiency and Responsibilities. Принята 17 ноября 2010 г. на 1098-м заседании заместителей министров (призвана заменить Рекомендацию Rec(94)12 Комитета Министров о независимости, эффективности и роли судей (Recommendation Rec(94)12 of the Committee of Ministers on the Independence, Efficiency and Role of Judges)).

³⁰ В п. 14 названного Заключения Консультативного совета европейских судей подчеркивается: "Отнюдь не считая судей всемогущими, Конвенция придает большое значение предоставлению гарантий в отношении прав участвующих в судебном разбирательстве лиц и устанавливает принципы, которые служат основой для обязанностей судей: независимость и беспристрастность".

³¹ Об этом прямо говорится в п. п. 1 и 2 Рекомендации CM/Rec(2010)12 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно судей: независимость, эффективность и ответственность.

³² См., например: Постановления ЕСПЧ от 4 марта 2003 г. по делу "Посохов против России" (Posokhov v. Russia, N 63486/00), от 23 апреля 2009 г. по делу "Московец против России" (Moskovets v. Russia, N 14370/03), от 14 июня 2011 г. по делу "Петр Севастьянов против России" (Petr Sevastyanov v. Russia, N 75911/01).

гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции.

Например, в ставших прецедентными делах "Оджалан против Турции"³³ и "Гечмен против Турции"³⁴ заявители указывали на то обстоятельство, что при рассмотрении их дел (как гражданских лиц, в отношении которых было возбуждено уголовное преследование) в состав национального суда входили не только гражданские судьи, но и военные (офицеры регулярной службы). Это, по мнению Европейского суда, ставило под сомнение независимость судебной власти: заявители могли обоснованно опасаться, что суд в подобном составе может оказаться под влиянием соображений, не относящихся к существу дела. Европейский суд установил, что было проведено несколько заседаний по существу дела, посвященных, кроме прочего, заслушиванию свидетелей, установлению показаний заявителя, и были приобщены многочисленные процессуальные документы, которые в последующем - после замены военного судьи - не были заменены новыми, а были утверждены заменившим судьей. По итогам рассмотрения данных дел Европейский суд сделал следующий вывод: "...тот факт, что военный судья в разбирательстве, проводимом в отношении гражданского лица, участвовал в процессуальном действии, являвшемся составной частью судебного производства, лишает разбирательство в целом вероятности того, что оно было проведено независимым и беспристрастным судом".

При решении вопроса о соблюдении требования независимости суда Европейский суд в каждом конкретном случае учитывает особенности функционирования судебной системы государства-ответчика, принимая во внимание, в частности, следующее³⁵:

- наличие у судебного органа внешних признаков независимости;
- существующие у суда гарантии от давления со стороны, наличие средств защиты против такого давления;
- порядок и способ назначения судей;
- сроки пребывания судей в должности (сроки полномочий);
- формирование судебного состава для рассмотрения дела;
- допустимость сменяемости судей (отстранения от выполнения функций);
- наличие возможности получения судьями инструкций от других органов власти и угрозы перевода на другие должности в случае вынесения решения вопреки таким инструкциям;
- условия оплаты труда судей;
- возможность изменения принятого судебного решения органом иной ветви власти.

В своих прецедентных постановлениях Европейский суд неоднократно подчеркивал, что независимость суда требует, чтобы отдельные судьи были свободны от ненадлежащего влияния не только со стороны несудебных органов, но и в рамках судебной системы: "Эта внутренняя независимость судей требует, чтобы они были свободны от указаний и давления со стороны других судей и вышестоящих судебных органов"³⁶.

Например, в схожих делах "Батурлова против России"³⁷ и "Хрыкин против России"³⁸ Европейским судом было установлено следующее. В соответствии со ст. 381 ГПК РФ судья суда надзорной инстанции после изучения надзорной жалобы должен принять решение о передаче надзорной жалобы для рассмотрения по существу или об отказе в этом. Однако в данных делах председатель областного суда вместо принятия законных решений в соответствии с нормами ГПК

³³ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 12 мая 2005 г. по делу "Оджалан против Турции" (*Öcalan v. Turkey*, N 4621/99).

³⁴ Постановление ЕСПЧ от 17 октября 2006 г. по делу "Гечмен против Турции" (*Göçmen v. Turkey*, N 72000/01).

³⁵ См., например: Постановления ЕСПЧ от 22 ноября 1995 г. "Брайан против Соединенного Королевства" (*Bryan v. UK*), от 25 февраля 1997 г. по делу "Финдли против Соединенного Королевства" (*Findlay v. UK*, N 22107/93).

³⁶ См., например: Постановления ЕСПЧ от 22 декабря 2009 г. по делу "Парлов-Ткальчич против Хорватии" (*Parlov-Tkalčić v. Croatia*, N 24810/06), от 19 апреля 2011 г. по делу "Батурлова против России" (*Baturlova v. Russia*, N 33188/08).

³⁷ Упомянутое Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 2011 г. по делу "Батурлова против России" (*Baturlova v. Russia*, N 33188/08).

³⁸ Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 2011 г. по делу "Хрыкин против России" (*Khrykin v. Russia*, N 33186/08).

РФ направлял **письма** в суд первой инстанции, в которых давались прямые указания нижестоящему суду пересмотреть вступившие в силу решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Городской суд, повторив мотивы, изложенные в этих письмах, последовал содержащимся в них указаниям, пересмотрел дела и вынес по ним новые решения (в пользу пенсионного органа, против заявителей). Европейский суд сделал вывод о том, что в обоих случаях имело место нарушение требования о независимости суда.

С учетом сказанного можно заключить, что Европейский суд следует получившей распространение градации независимости суда от государственной власти на:

- **внешнюю** (независимость от давления извне - со стороны других ветвей государственной власти, прежде всего исполнительной);
- **внутреннюю** (независимость от давления изнутри - со стороны судебной системы, прежде всего руководителей судов, а также иных органов, способных использовать меры организационно-управленческого характера).

В упомянутой ранее Рекомендации CM/Rec(2010)12 Комитета Министров Совета Европы в качестве мер, способствующих **внешней** независимости судей (п. п. 14 - 21), называются следующие:

- законодательное закрепление санкций в отношении лиц, которые пытаются оказать ненадлежащее воздействие на судей (п. 14);
- постановления должны быть аргументированы и объявляться публично (п. 15);
- судебные решения не могут быть пересмотрены, за исключением апелляционного или иного пересмотра, предусмотренного законом (п. 16);
- исполнительная и законодательная власть не должна принимать решения, которые делают недействительными судебные решения, за исключением амнистии, помилования или аналогичных случаев (п. 17);
- исполнительная и законодательная власть, комментируя судебные решения, должна избегать критики, которая может подорвать независимость и общественное доверие к судебной власти, а также действий, которые могут поставить под сомнение готовность соблюдать судебные решения (кроме случаев обжалования судебных решений) (п. 18);
- должно поощряться создание пресс-центров (назначение пресс-секретарей, создание иных служб по связям с общественностью) в судах или советах судей, поскольку судьи должны проявлять известную сдержанность в своих отношениях со средствами массовой информации (п. 19);
- необходимо создание механизмов, позволяющих судам получать предложения и замечания (жалобы) по вопросам осуществления правосудия, что позволит судам повысить его эффективность (п. 21);
- деятельность судей вне рамок судебных функций должна ограничиваться с целью исключения конфликтов интересов и обеспечения беспристрастности и независимости суда (п. 21).

К мерам, способствующим **внутренней** независимости судей (п. п. 23 - 25 Рекомендации CM/Rec(2010)12 Комитета Министров Совета Европы), относятся следующие:

- по общему правилу высшие суды не должны давать инструкции судьям по поводу того, как они должны решать конкретные дела (п. 23);
- распределение дел должно осуществляться в соответствии с объективными предварительными установленными критериями - они не должны формироваться под влиянием пожеланий сторон или любого другого лица, заинтересованного в исходе дела (п. 24);
- судьи должны иметь возможность свободно создавать и вступать в профессиональные организации, целями которых являются сохранение независимости, защита их интересов и утверждение верховенства права (п. 25).

С учетом сказанного можно заключить, что независимость суда может быть обеспечена **принятием** государством **ряда мер**, в том числе упорядочивающих взаимодействие судей с

другими лицами (включая государственные органы), реализация которых если не исключит случаи ненадлежащего воздействия (давления) на суд, то может существенно снизить их число.

Беспристрастность суда предполагает **выполнение судьями своих обязанностей без какого-либо предпочтения, предубеждения или пристрастия** (п. 23 упомянутого ранее Заключения Консультативного совета европейских судей от 19 ноября 2002 г.)³⁹. Положения названного Заключения позволяют сделать вывод о том, что при рассмотрении дела и вынесении решения в целях соблюдения требования беспристрастности судьи:

- не должны принимать во внимание что-либо, что выходит за рамки применения норм права;

- не должны позволять себе делать какие-либо комментарии, которые позволили бы предположить хоть какую-нибудь предубежденность или которые могли бы повлиять на справедливое рассмотрение дела;

- должны проявлять уважение ко всем участвующим в деле лицам (к сторонам в деле, свидетелям, адвокату) без каких-либо не основанных на законе различий;

- должны действовать также таким образом, чтобы была очевидна их профессиональная компетентность;

- должны выполнять свои обязанности, надлежащим образом соблюдая принцип равноправия сторон, избегая какой-либо пристрастности и дискриминации, поддерживая состязательность сторон и обеспечивая каждому справедливое разбирательство дела.

Важным является то, что Европейский суд при оценке национального судебного разбирательства на предмет беспристрастности участвовавших в нем судей устанавливает не то, действительно ли кто-то из судей предвзято и необъективно относился к одной из сторон, а то, **были ли у этой стороны достаточные основания подозревать** у суда отсутствие беспристрастности. В своих постановлениях Европейский суд неоднократно отмечал, что "любое обоснованное сомнение в беспристрастности суда само по себе является достаточным для того, чтобы сделать вывод о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод"⁴⁰ и "даже внешние проявления могут иметь определенную важность, или, иными словами, "правосудие не только должно быть отправлено, должно быть видно, что оно отправлено"⁴¹.

В ставшем прецедентом деле "Ремли против Франции"⁴² заявитель, будучи французом алжирского происхождения, указывал на то, что до начала рассмотрения его дела национальным судебным органом один из членов жюри сделал в отношении заявителя замечание расистского толка. Это замечание было услышано лицом, не связанным с делом заявителя, при этом национальный суд отказался приобщать к делу письменное заявление этого лица, сославшись на то, что не может "приобщать к делу факты, имевшие место вне суда". Европейский суд отметил, что, поскольку факты, на которые указывал заявитель, не были проверены судом, заявитель вполне может усомниться в беспристрастности суда и его опасения в этом плане объективно оправданны, что свидетельствует о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции по правам человека. Европейский суд подчеркнул: "При принятии решения о наличии в конкретном деле легитимных оснований для сомнения в беспристрастности одного из судей мнение обвиняемого принимается во внимание, но не играет решающей роли. Решающим является то, могут ли опасения заявителя считаться объективно обоснованными".

Позиция относительно достаточности обоснованных сомнений в беспристрастности суда для того, чтобы сделать вывод о нарушении права заявителя на суд, нашла отражение и в деле "Озеров

---

³⁹ См. также: п. 7 Основных принципов независимости судебных органов (приняты 7-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 26 августа - 6 сентября 1985 г. (Милан) и одобрены Резолюцией 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.).

⁴⁰ См.: упомянутое ранее Постановление ЕСПЧ от 22 октября 1984 г. по делу "Срадек против Австрии" (Sramek v. Austria).

⁴¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. по делу "Де Кюббер против Бельгии" (De Cubber v. Belgium).

⁴² Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1996 г. по делу "Ремли против Франции" (Remli v. France).

против России"⁴³. В данном деле прокурор (обвинитель) по делу заявителя отсутствовал на протяжении всего разбирательства в суде первой инстанции, притом что судья постановил, что разбирательство должно проводиться с участием государственного обвинителя. Европейский суд указал: "В материалах дела отсутствуют сведения о том, был ли прокурор извещен о заседании и каковы причины его неявки. Тем не менее районный суд решил провести заседание в отсутствие прокурора. Можно лишь предполагать, какой вариант действий выбрал бы прокурор и как это повлияло бы на ход и результат разбирательства в отношении заявителя. Кроме того, это не имеет значения в настоящем деле. В настоящем деле имеет значение то обстоятельство, что районный суд, рассматривая дело по существу и осуждая заявителя в отсутствие прокурора, смешал роли обвинителя и судьи и тем самым дал основания для законных сомнений в своей беспристрастности".

Обоснованными были признаны и сомнения в беспристрастности суда в деле "Мартини против Франции"⁴⁴, когда в совещании судебной коллегии при вынесении решения по делу заявителя помимо судей присутствовал Правительственный комиссар. Европейский суд указал, что как "активное" присутствие Правительственного комиссара в совещании судебной коллегии, так и "пассивное" участие (в качестве "молчаливого свидетеля") являются нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции. При этом Суд отметил, что термины "участие в процедуре совещания судей", "помощь", "принятие участие в совещании", "присутствует на совещании судей" являются по сути синонимами и в любом случае такие действия должны рассматриваться как нарушения права на суд. Причем Европейский суд специально подчеркнул, что хотя формально он не обязан следовать своим ранее вынесенным постановлениям, но в интересах правовой определенности, предсказуемости и равенства перед законом он не должен отступать без достаточного основания от прецедентов, установленных в рассмотренных ранее делах. При этом ЕСПЧ напомнил, что нарушением права заявителя на суд признаются случаи "участия Генерального адвоката в совещании судей Кассационного суда Бельгии в качестве советника (см. ...Постановление Европейского суда по делу "Боргерс против Бельгии" и... Постановление Европейского суда по делу "Вермелен против Бельгии"), но и в отношении присутствия заместителя Генерального прокурора (Deputy Attorney-General) на совещании судей Верховного суда Португалии (Portuguese Supreme Court), даже хотя он и не имел ни совещательного, ни иного вида права голоса (см. ...Постановление Европейского суда по делу "Лобу Машаду против Португалии"), и в отношении простого присутствия Генерального адвоката на совещании судей Отделения по уголовным делам Кассационного суда Франции (см. ...Постановление Европейского суда по делу "Слиман-Каид против Франции (N 2)").

В рамках настоящей работы надо подчеркнуть, что в свое время в деле "Пьерсак против Бельгии"⁴⁵ Европейский суд сформулировал позицию в отношении оценки беспристрастности суда, выделив два критерия - **объективный** и **субъективный**. Причем, подчеркнув необходимость проверки соответствия национального судебного разбирательства объективному и субъективному критериям, Европейский суд отметил, что вопрос о том, надо ли дело рассматривать на предмет соответствия одному критерию или обоим, будет зависеть от обстоятельств конкретного дела.

Объективная беспристрастность суда подразумевает внешнюю (видимую) беспристрастность, исключаящую любые обоснованные сомнения в этом отношении.

Вызвать сомнения в объективной беспристрастности суда могут:

- нарушения процедуры принятия заявления к производству (когда "пострадала" эффективность принятия заявлений к рассмотрению);
- повторное участие в разбирательстве конкретного дела судьи, который ранее участвовал в

⁴³ Постановление ЕСПЧ от 18 мая 2010 г. по делу "Озеров против России" (Ozerov v. Russia, N 64962/01).

⁴⁴ Постановление ЕСПЧ от 12 апреля 2006 г. по делу "Мартини против Франции" (Martini v. France, N 58675/00).

⁴⁵ Постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. по делу "Пьерсак против Бельгии" (Piersack v. Belgium).

этом же деле в том же или ином качестве⁴⁶;

- нарушения объективности порядка распределения дел в суде;
- произвольное и необоснованное объединение (разъединение) дел;
- необоснованная передача дел от одного судьи к другому;
- нередко "внепроцессуальные" действия судей.

Примером последних может быть дело "Белуха против Украины"⁴⁷, в котором было установлено отсутствие объективной беспристрастности национального суда при рассмотрении дела заявителя, который ссылаясь на пристрастность суда, поскольку компания-ответчик обеспечила суд оконными решетками и компьютером, а также бесплатно починила отопительную систему суда. Европейский суд указал, что власти государства-ответчика не оспаривали доводы заявителя о том, что председатель национального суда, который единолично заседал как судья первой инстанции в деле заявителя, требовал и получил на бесплатной основе определенное имущество от компании-ответчика. По мнению Европейского суда, в таких обстоятельствах опасения заявителя, что судья будет пристрастным, объективно оправданны, что позволило сделать вывод о нарушении в деле заявителя требования о беспристрастности суда.

Субъективная (личная) беспристрастность суда обычно рассматривается как субъективная свобода судьи от личных предубеждений и пристрастий в отношении сторон - она проявляется в высказываниях судьи, в его поведении и проч.

Примером нарушения требования о субъективной беспристрастности является личное отношение судьи к участникам процесса, проявляющееся в его суждениях, репликах и манере поведения в целом, свидетельствующее о недостаточной справедливости к одному из участников или даже враждебности (см. упомянутое выше дело "Ремли против Франции"). Другими признаками нарушения требования субъективной беспристрастности могут быть названы публичные высказывания судьи по сути рассматриваемого спора до вынесения решения, высказывания дискриминационного характера, участие судьи в принятии законодательных или подзаконных нормативных актов, на основе которых впоследствии был вынесен судебный акт.

Исходя из сказанного беспристрастность суда может быть обеспечена **только самими** судьями, которые при отправлении правосудия должны демонстрировать отсутствие предвзятости и предпочтения и не принимать во внимание ничего, выходящего за рамки применения права.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что подлинная независимость суда, требующая от государства обеспечение ограждения судей от неправомерного давления на них со стороны государственных органов и сторон спора, является одной из гарантий (и одновременно условием) беспристрастного применения права судом. Следствием оказания ненадлежащего влияния на суд является, как правило, возникновение обоснованных сомнений и в объективной беспристрастности суда.

В то же время беспристрастность судей вовсе не является условием (и тем более гарантией) независимости суда, поэтому высказанные судьей (судьями) предпочтения или пристрастие при рассмотрении дела могут иметь место и в условиях реальной независимости суда. Иными словами, пристрастность суда вовсе не свидетельствует о зависимости суда.

Таково соотношение указанных понятий, что несколько не умаляет значения ни одного из них, поскольку и независимость, и беспристрастность являются необходимыми условиями для достижения справедливости (п. 2 Великой хартии судей (основополагающие принципы)⁴⁸).

Здесь же надо отметить, что право на суд подразумевает не только независимость и беспристрастность судей, но и их компетентность (т.е. профессионализм), на которую рассчитывает каждое обращающееся в суд лицо. Этот вывод основан на п. 1.1 Европейской хартии

---

⁴⁶ См., например: Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2014 г. по делу "Фазлы Асланер против Турции" (Fazli Aslaner v. Turkey, N 36073/04).

⁴⁷ Постановление ЕСПЧ от 9 ноября 2006 г. по делу "Белуха против Украины" (Belukha v. Ukraine, N 33949/02).

⁴⁸ Magna Carta of Judges (Fundamental Principles). Принята на 11-м пленарном заседании Консультативного совета европейских судей 17 - 19 ноября 2010 г. (Страсбург).

от 10 июля 1998 г. о статусе судей⁴⁹, в котором указывается, что целью статуса судей является обеспечение компетентности, независимости и беспристрастности, которых каждый вправе ожидать от судебных инстанций и от каждого судьи при обращении за защитой собственных прав. Согласно п. 1.5 данной Хартии судьи при исполнении своих обязанностей должны проявлять готовность к работе и быть уважительными по отношению к обращающимся к ним лицам, следить за поддержанием высокого уровня компетентности (профессионализма), необходимого для решения дел в каждом конкретном случае, а также сохранять в тайне сведения, ставшие известными им в ходе судебного разбирательства⁵⁰.

4. Аспект справедливости судебного разбирательства

В своих постановлениях Европейский суд неоднократно разъяснял, что п. 1 ст. 6 Конвенции закрепляет **необходимость достижения "справедливого баланса" между сторонами и признание судебного разбирательства справедливым лишь при условии обеспечения равных процессуальных возможностей обеих сторон, участвующих в деле**⁵¹.

Причем под справедливым судебным разбирательством в Конвенции подразумевается **справедливость судебного процесса**, но не справедливость результата этого процесса, т.е. самого судебного решения. По этому поводу Европейский суд в деле "Долгоносов против России"⁵²

⁴⁹ Была принята на многосторонней встрече, проходившей 8 - 10 июля 1998 г. в Лиссабоне.

⁵⁰ На пленарном заседании Европейского суда 23 июня 2008 г. была принята Резолюция по вопросам судебной этики (см.: <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/5B573A5E-2FE8-492D-BE57-8035A6E5A31D/0/R%C3%A9solutionsurl%C3%A9thiquejudiciaire.pdf>; http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/1F0376F2-01FE-4971-9C54-EBC7D0DD2B77/0/Resolution_on_Judicial_Ethics.pdf). В ее преамбуле было отмечено, что Суд, руководствуясь ст. 21 Конвенции, устанавливающей требования к судьям, а также принимая во внимание ст. ст. 3, 4 и 28 Регламента Европейского суда, принял решение сформулировать принципы, которые должны обеспечить большую ясность и прозрачность в осуществлении судебных функций и тем самым повысить общественное доверие к Суду. Эта Резолюция распространяется на избранных судей Европейского суда, а в соответствующих случаях на бывших судей Суда и судей ad hoc и устанавливает ряд требований, которые судьи должны соблюдать. В Резолюции по вопросам судебной этики упоминается: (1) независимость судей, под которой понимается осуществление судьями своих функций независимо от какого-либо влияния или внешнего воздействия. Подчеркивается, что судьи должны воздерживаться от любой деятельности или участия в ассоциациях, а также избегать любых ситуаций, которые могут повлиять на уверенность в их независимости; (2) обязательность беспристрастности судей. При этом закрепляется обязанность судей не только осуществлять судебные функции беспристрастно, но и избегать конфликта интересов, равно как и ситуаций, которые могут обоснованно восприниматься как свидетельствующие о конфликте интересов; (3) порядочность, которая является одним из основных критериев для судьи: судьи должны вести себя достойно, отвечать высоким моральным качествам, при любых обстоятельствах помнить о своей обязанности поддерживать авторитет и репутацию Суда; (4) усердие и компетентность, что требует от судей старательного выполнения должностных обязанностей, а для поддержания высокого уровня компетенции - продолжения повышения профессионального уровня; (5) осмотрительность, что предполагает проявление судьями максимальной осмотрительности в отношении конфиденциальной или секретной информации, которая им становится известна в связи с разбирательством дела. Кроме того, судьи должны уважать тайну судебных совещаний; (6) свобода выражения мнения, которая ограничивается требованием об изложении этого мнения в манере, совместимой со статусом судьи, а также запретом на публичные заявления или комментарии, которые могут подорвать авторитет Суда или вызвать обоснованные сомнения в отношении беспристрастности судьи, делающего эти комментарии; (7) допустимость дополнительной деятельности судьи. По общему правилу судьи не могут заниматься какой-либо дополнительной деятельностью, если она несовместима с их независимостью и беспристрастностью, а также с требованиями, вытекающими из постоянного характера их работы в течение полного рабочего дня. О любой дополнительной деятельности судья должен объявить Председателю Суда, как того требует ст. 4 Регламента Европейского суда; (8) недопустимость получения судьями привилегий и преимуществ. Судьи не должны принимать никакие подарки, привилегии или преимущества, если такое принятие вызывает сомнения в их независимости и беспристрастности; (9) допустимость принятия судьями знаков отличия и наград - они могут быть приняты судьями в том случае, если это не вызывает обоснованных сомнений в их независимости и беспристрастности. При этом судьи обязаны заранее сообщить об этом Председателю Суда.

⁵¹ См., например: Постановление от 24 апреля 2003 г. по делу "Ивон против Франции" (Yvon v. France, N 44962/98).

⁵² Постановление ЕСПЧ от 15 мая 2007 г. по делу "Долгоносов против России" (Dolgonosov v. Russia, N 74691/01).

подчеркнул следующее: "Европейский суд отмечает, что его задачей не является исследование предполагаемых ошибок правового и фактического характера, допущенных национальными судами, в том случае, если не установлена несправедливость судебного разбирательства".

Во-первых, Суд оценивает справедливость судебного разбирательства исходя из **фактической возможности участия сторон в рассмотрении дела на всех стадиях судебного процесса**. Несоблюдению данного условия способствует, в частности, ненадлежащее уведомление участвующих в деле лиц о дате судебного слушания в судебных заседаниях, влекущее для заинтересованных лиц невозможность участия в судебном разбирательстве.

Например, в деле "Прокопенко против России"⁵³ Суд указал, что в связи с поздним извещением заявительница была лишена возможности принять участие в заседании суда кассационной инстанции (она получила уведомление о дате рассмотрения ее кассационной жалобы вечером того дня, на который было назначено рассмотрение). Европейский суд также отметил, что из содержания кассационного определения не следует, что суд кассационной инстанции рассмотрел вопрос о том, была ли заявительница должным образом извещена о заседании и, если нет, должно ли рассмотрение дела быть отложено. Указанное позволило Европейскому суду сделать вывод о нарушении права на суд в аспекте справедливости судебного разбирательства.

В качестве примера можно сослаться и на дело "Росэлтранс" против России"⁵⁴. Заявитель - ОАО "Российский электротранспорт" ("Росэлтранс") - в жалобе в Европейский суд указывал, что Министерство по управлению государственным имуществом издало распоряжение о его ликвидации, которое он оспорил в суде общей юрисдикции. Суд первой инстанции требование заявителя удовлетворил, признав распоряжение недействительным; данное решение не обжаловалось и вступило в законную силу. Однако впоследствии прокуратурой был принесен протест в порядке надзора, который был удовлетворен: решение первой инстанции было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение. При этом заявитель не был извещен о рассмотрении дела судом надзорной инстанции, не участвовал в судебном разбирательстве (которое состоялось через год после вынесения решения судом первой инстанции), копий протеста и судебных актов не получал. По причине изменения подведомственности дело было передано в арбитражный суд, который признал распоряжение о ликвидации заявителя недействительным. Рассмотрев данную жалобу, Европейский суд признал, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции: разбирательство в суде надзорной инстанции не было справедливым, поскольку проводилось без уведомления заявителя, который был лишен возможности представить свои возражения против протеста прокурора.

Во-вторых, оценить справедливость судебного разбирательства помогает анализ **фактической (реальной) состязательности сторон в процессе**.

Данное условие может быть реализовано, только если имело место "**равенство оружия**" сторон, т.е. каждой из сторон в разбирательстве были предоставлены равные возможности по отстаиванию своей позиции по делу, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом⁵⁵. В частности, участниками процесса признается право ознакомиться с доказательствами до начала рассмотрения дела в судебном заседании, выразить свое мнение относительно наличия, содержания и подлинности представленных доказательств заблаговременно в письменном виде - при необходимости⁵⁶. Каждая из сторон судебного разбирательства должна иметь реальную возможность "представить" свое дело (быть

---

⁵³ Постановление ЕСПЧ от 3 мая 2007 г. по делу "Прокопенко против России" (Prokopenko v. Russia, жалоба N 8630/03).

⁵⁴ Постановление ЕСПЧ от 21 июля 2005 г. по делу "Росэлтранс" против России" (Roseltrans v. Russia, N 60974/00).

⁵⁵ См., например: Постановления ЕСПЧ от 10 мая 2007 г. по делу "Ковалев против России" (Kovalev v. Russia, N 78145/01), от 16 ноября 2006 г. по делу "Климентьев против России" (Klimentyev v. Russia, N 46503/99).

⁵⁶ См.: решение ЕСПЧ от 14 января 2003 г. по вопросу приемлемости жалобы по делу "Аркадий Иванович Викторov против России" (Arkadiy Ivanovich Viktorov v. Russia, N 61605/00).

уведомленной о замечаниях и доказательствах, представленных оппонентом, иметь возможность прокомментировать их, а также представить свои доводы и возражения) в условиях, в которых ни одна из них не имеет явного преимущества в процессе по отношению к другой.

Следовательно, судебное разбирательство не будет признано справедливым, если, например, **одна из сторон была лишена возможности изложить и защитить свою позицию.** Так, возможность для сторон участвовать в процессе по делу с помощью переводчика (если лицо не владеет соответствующим языком) является необходимой гарантией состязательности и характеризует судебный процесс с точки зрения его справедливости. Необоснованно говорить о справедливости судебного разбирательства, когда одна из сторон была лишена возможности представлять относящиеся к делу документы.

О "равенстве оружия" сторон, т.е. фактической состязательности сторон в процессе, нельзя говорить и тогда, когда, к примеру, суд не вызывал и не заслушал главного свидетеля (нескольких свидетелей), выступающего в пользу одной стороны, чем создал преимущества для другой стороны процесса.

Например, в деле "Каспаров и другие против России"⁵⁷ заявители, задержанные при спорных обстоятельствах (относительно как цели пребывания, так и времени и места задержания), были признаны виновными в нарушении правил проведения демонстрации, а их жалобы отклонены судом. Европейский суд установил нарушение принципа равенства сторон и права на справедливое судебное разбирательство на следующем основании: при оценке различавшихся версий имевшего место события, предложенных милицией и задержанными, судья руководствовался данными милицейского протокола, отказавшись заслушать свидетелей защиты без оценки относимости их показаний. ЕСПЧ отметил, что заявителям не была предоставлена разумная возможность эффективно изложить в судебном процессе свою версию происшествия.

Важно заметить, что п. 1 ст. 6 Конвенции не требует от государств - участников Конвенции закрепления в национальной правовой системе исключительно состязательной модели процесса. Требование справедливости судебного разбирательства предполагает наличие такого характера судопроизводства, который дает сторонам принципиальную возможность представлять доказательства в защиту своей позиции, быть информированными обо всех приобщенных к делу материалах и доказательствах, делать замечания, представлять возражения на доводы другой стороны с целью оказать воздействие на решение суда⁵⁸. Национальное законодательство может закрепить такой характер процесса по-разному, но избранный способ должен гарантировать участникам разбирательства равные возможности защиты.

В-третьих, необходимо упомянуть такие аспекты справедливого судебного разбирательства, как **независимость и законность назначения экспертов и экспертиз.**

В этом ключе определенным интересом представляет высказанная ЕСПЧ позиция в отношении баланса процессуальных возможностей стороны обвинения и стороны защиты в российском уголовном процессе при назначении экспертизы. Так, в деле "Матыцина против России"⁵⁹ заявительница жаловалась на существенно более невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения в части использования для подтверждения своей позиции такого доказательства, как заключение эксперта. В частности, сторона защиты не участвовала в подготовке экспертных заключений на этапе предварительного расследования; основной эксперт обвинения, будучи единственным лицом, утверждавшим о наличии прямой причинной связи между действиями обвиняемой и последующим психическим расстройством потерпевшей, не участвовал в заседании суда; суд отказал в назначении другой экспертизы (хотя два других эксперта считали необходимым проведение дополнительной экспертизы). Европейский суд,

---

⁵⁷ Постановление ЕСПЧ от 3 октября 2013 г. по делу "Каспаров и другие против России" (Kasparov v. Russia, N 21613/07).

⁵⁸ См., например: Постановление ЕСПЧ от 20 февраля 1996 г. по делу "Вермюлен против Бельгии" (Vermeulen v. Belgium).

⁵⁹ Постановление ЕСПЧ от 27 марта 2014 г. по делу "Матыцина против России" (Matytsina v. Russia, N 58428/10).

изучив российское законодательство по вопросу о назначении судебных экспертиз, пришел к выводу, что сторона защиты (имеющая право ходатайствовать о назначении экспертизы, предлагать кандидатуры экспертов и вопросы для них) не имеет прав стороны обвинения в части получения экспертных заключений, в результате чего лишена возможности оспорить заключение, представленное обвинением, путем противопоставления им собственных доказательств. ЕСПЧ заключил, что совокупность таких ограничений ставит сторону защиты в неблагоприятное положение по отношению к стороне обвинения.

Помимо этого Европейский суд обращает внимание на необходимость эффективного использования государственным судами предоставленных им национальным законодательством инструментов для осуществления руководства судебным процессом, в частности, в отношении производства судебных экспертиз. Так, в деле "Поспех против России"⁶⁰ ЕСПЧ признал, что дело обладало определенной степенью сложности (спор о законности возведения пристройки к общему дому на неразделенном земельном участке) и его разрешение требовало проведения нескольких экспертиз. В рамках этого дела Европейский суд обратил внимание на существенный недостаток в действиях национальных судебных властей - необъяснимые задержки в получении заключений экспертов. В частности, назначенная судом первая экспертиза проводилась более года, дополнительная - год. При этом одной из причин задержек была названа неполная оплата сторонами услуг экспертов. Несмотря на действия заявительницы и второй стороны по делу, ЕСПЧ напомнил, что основная ответственность за задержку судебного разбирательства, вызванную проведением экспертиз, лежит полностью на государстве⁶¹, и признал нарушенным право на справедливое судебное разбирательство.

В-четвертых, оценка справедливости судебного разбирательства требует обязательного учета **законности методов получения доказательств**. Европейским судом выработана позиция, согласно которой приобщение к делу незаконно полученных доказательств будет являться нарушением права на справедливое судебное разбирательство только в том случае, если окончательный судебный акт в большей степени основан на указанных доказательствах, а заявитель был лишен возможности оспорить их достоверность и факт использования⁶².

Так, в деле "S.C. IMH Сучава С.Р.Л. против Румынии"⁶³ коммерческая организация была признана виновной в продаже дизельного топлива, смешанного с водой. Национальные суды при рассмотрении в разных процессах двух жалоб компании на незаконность применения наказания (виновной она была признана двумя разными государственными органами) вследствие того, что решения основаны на результатах экспертизы, образцы для которой были получены ненадлежащим образом, пришли к прямо противоположным выводам. Одни признали экспертные заключения недопустимым доказательством ввиду нарушения порядка изъятия и хранения образцов, другие проигнорировали этот довод. При этом экспертные заключения являлись основным доказательством в обоих судебных разбирательствах. Европейский суд признал, что оцененное судами по-разному доказательство имело решающее значение для установления фактов по обоим делам, несмотря на то что во втором деле государственный орган ссылался и на другие документы помимо экспертного заключения (эти документы не получили оценки в судебном акте, что не позволяет говорить об их значимости для принятия судебного решения). При этом суд, рассматривавший второе дело, был осведомлен о вынесенном ранее решении и об оценке, которую в нем получило данное доказательство, однако не привел мотивов для обоснования своего решения посредством противоположного вывода о допустимости данного доказательства. ЕСПЧ отметил, что с учетом его решающей роли для исхода дела от судов требовался конкретный

---

⁶⁰ Постановление ЕСПЧ от 2 мая 2013 г. по делу "Поспех против России" (Pospekh v. Russia, N 31948/05).

⁶¹ Постановление ЕСПЧ от 25 июня 1987 г. по делу "Капуано против Италии" (Capuano v. Italy, N 9381/81).

⁶² См., например: Постановления ЕСПЧ от 12 июля 1988 г. по делу "Шенк против Швейцарии" (Schenk v. Switzerland), от 10 марта 2009 г. по делу "Быков против России" (Bykov v. Russia, N 4378/02).

⁶³ Постановление ЕСПЧ от 29 октября 2013 г. по делу "S.C. IMH Сучава С.Р.Л. против Румынии" (S.C. IMH Suceava S.R.L. v. Romania, N 24935/04).

и ясный ответ на довод заявителя о недопустимости этого доказательства, и признал, что в данном деле имел место факт нарушения права на справедливое судебное разбирательство.

В-пятых, основанием для того, чтобы говорить об отсутствии справедливого судебного разбирательства, может выступить и недостаточность мотивировки судебных актов.

Важность полноты мотивировочной части для целей признания судебного разбирательства справедливым неоднократно подчеркивалась в практике Европейского суда: европейские стандарты судебного разбирательства требуют от национальных судов приведения обоснования принимаемых судебных актов по любым категориям рассматриваемых дел. Следовательно, нарушением требований п. 1 ст. 6 Конвенции может быть признана ситуация, когда национальным судом при принятии судебного акта были проигнорированы доводы, представленные одной из сторон.

К примеру, подобная ситуация имела место в деле "Кузнецов и другие против Российской Федерации"⁶⁴: основной довод заявителей был оставлен за рамками судебной проверки и, следовательно, не был рассмотрен по существу. ЕСПЧ указал в своем решении: "...национальные суды не исполнили своей обязанности изложить основания для своих решений, не доказали, что позиции сторон были заслушаны в ходе справедливого разбирательства и при соблюдении принципа равенства". То есть уклонение национальных судов от рассмотрения довода заявителя было квалифицировано Европейским судом как невыполнение судами обязанности обосновать свое решение и обеспечить соблюдение справедливости судебного процесса, что в конечном счете и определило вывод Суда о нарушении права заявителя на суд. При этом Европейский суд не говорит об обязанности национальных судов принимать все доводы сторон и приобщать все доказательства, но судебные органы должны указывать основания для отклонения доводов и отказа в приобщении доказательств: "...несмотря на то, что национальные суды обладают определенной свободой усмотрения при выборе аргументов в конкретном деле и принятии доказательств, представляемых сторонами, судебный орган обязан обосновывать свои действия, указывая мотивы своих решений" (дело "Суоминен против Финляндии"⁶⁵).

Примером уклонения национального суда от надлежащей мотивировки судебного решения может служить и дело "Галич против России"⁶⁶. В данном деле заявитель обратился в национальный суд с требованием о взыскании с должника по договору займа основного долга и процентов за неисполнение денежного. Суд первой инстанции удовлетворил иск частично, а суд кассационной инстанции, отклонив кассационную жалобу заявителя, по собственной инициативе уменьшил сумму процентов годовых (хотя этот вопрос сторонами дела не поднимался), не приведя никаких правовых оснований такого решения. Европейский суд при рассмотрении данного дела сделал ряд важных заключений. В частности, он отметил: "...в судебном разбирательстве по гражданскому делу сторонам также должна быть предоставлена разумная возможность давать свои комментарии относительно всех существенных вопросов по делу. Европейскому суду нет необходимости давать абстрактное определение тому, что означает "разумная возможность" - ее существование по конкретному делу зависит от слишком большого количества факторов. Например, гражданские суды не связаны доводами сторон; суды имеют право определять применимое право, толковать доказательства по-новому и так далее". Применительно к вопросу об уменьшении судом кассационной инстанции подлежащих выплате процентов за неисполнение денежного обязательства Европейский суд признал следующее: "Самостоятельное рассмотрение судом на основании материалов дела определенных вопросов является приемлемым. Однако ввиду отсутствия какого-либо мотивированного решения в связи с этим Европейский суд не вправе идти на подобные уступки и приходит к выводу, что вопрос "соразмерности" суммы присужденных процентов за неисполнение денежного обязательства не

---

⁶⁴ Постановление ЕСПЧ от 11 января 2007 г. по делу "Кузнецов и другие против Российской Федерации" (Kuznetsov v. Russia, N 184/02).

⁶⁵ Постановление ЕСПЧ от 1 июля 2003 г. по делу "Суоминен против Финляндии" (Suominen v. Finland, N 37801/97).

⁶⁶ Постановление ЕСПЧ от 13 мая 2008 г. по делу "Галич против России" (Galich v. Russia, N 33307/02).

мог рассматриваться судом кассационной инстанции без учета мнения сторон... Европейский суд приходит к выводу, что, признавая, что суд кассационной инстанции был вправе по своему усмотрению уменьшить размер подлежащих выплате процентов за неисполнение денежного обязательства при особых обстоятельствах дела, лишив стороны возможности привести свои доводы в связи с рассматриваемым вопросом, что не являлось исключительно формальным нарушением, он не использовал предоставленное ему право усмотрения в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 6 Конвенции".

В-шестых, при рассмотрении вопроса относительно справедливости судебного разбирательства нельзя исключать оценку порядка и фактической возможности обжалования вынесенного судебного акта сторонами, а также невозможности вмешательства в порядок обжалования со стороны лиц, не участвующих в деле, и лиц, чьи права не затронуты вынесенным судебным актом.

5. Аспект публичности судебного разбирательства

Данный аспект усматривается из текста п. 1 ст. 6 Конвенции и подразумевает **обеспечение возможности проведения судебного заседания при участии всех лиц, отстаивающих свои права в данном деле, а также лиц, заинтересованных в присутствии на судебном заседании.** В Постановлении по делу "Загородников против России"⁶⁷ ЕСПЧ еще раз подчеркнул: "Публичность судебного разбирательства защищает участников судебного разбирательства от тайного отправления правосудия без внимания со стороны общества; она также является одним из средств поддержания уверенности в суде. Посредством открытого отправления правосудия гласность способствует достижению цели справедливого судебного разбирательства, по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, гарантия обеспечения которого является одной из основ демократического общества".

Обеспечение публичности судебного разбирательства возможно только при условии соблюдения ряда требований, на которых следует остановиться подробнее.

Во-первых, в практике Европейского суда сформулировано правило, согласно которому реализация публичности судебного разбирательства предполагает **право сторон лично предстать перед судом и устные слушания по крайней мере в суде первой инстанции:** "...принципы быстрого и эффективного судопроизводства уступают в своей значимости необходимости предоставления заявителю возможности устного освещения своей позиции по делу"⁶⁸. Обозначенное право приобретает особое значение, когда необходимая информация, имеющая значение для правильного разрешения дела, может быть получена только в ходе устных слушаний, когда суд рассматривает не только вопросы права, но и вопросы факта.

В связи со сказанным интерес вызывает упомянутое дело "Загородников против России"⁶⁹. Заявитель являлся вкладчиком банка "Российский кредит". В апреле 2000 г. 188900 кредиторов банка достигли соглашения с банком и обратились в Арбитражный суд г. Москвы с целью утверждения соглашения. Поскольку заявитель был против соглашения, он представил суду свои возражения. В суд были вызваны 100 кредиторов, возражающих против соглашения. Суд проводил судебные слушания 10, 11, 14 и 15 августа 2000 г. Заявитель, получивший повестку на 14 августа, смог принять участие только в последнем судебном заседании. Он указывал, что во время судебного процесса доступ в здание суда был ограничен; те, кто не имел повестки и удостоверения личности, не допускались в судебное заседание: по этим причинам 20 - 25 человек пропустили первое судебное заседание; 3 - 5 человек пропустили каждое из последующих заседаний. На каждом из слушаний 45 - 50 мест в зале судебного заседания пустовали. Расписание судебных заседаний было вывешено внутри здания суда, и посетители (публика) не могли знать,

⁶⁷ Постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. по делу "Загородников против России" (Zagorodnikov v. Russia, N 66941/01).

⁶⁸ См.: Постановление ЕСПЧ от 11 июля 2002 г. по делу "Геч против Турции" (Göç v. Turkey, N 36590/97).

⁶⁹ Постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. по делу "Загородников против России" (Zagorodnikov v. Russia, N 66941/01).

какие дела слушаются в данный день. 15 августа 2000 г. суд утвердил соглашение, судебный акт об утверждении которого вышестоящие инстанции оставили без изменения. И суд апелляционной инстанции, и суд кассационной инстанции проигнорировали доводы заявителя о том, что слушания данного дела не были публичными.

Европейский суд на основании представленных материалов пришел к выводу о том, что судебные заседания по делу заявителя не были признаны публичными. При этом им было указано следующее: "...заявитель не выразил прямого отказа от своего права на проведение открытого судебного заседания. Что касается молчаливого отказа, Европейский суд отмечает, что в соответствии с законодательством Российской Федерации заявитель имел право на проведение открытого заседания по делу... Следовательно, не существовало необходимости для подачи им ходатайства о проведении открытого судебного заседания... Таким образом, заявитель не отказывался ни прямо, ни по сути от своего права на проведение открытого судебного заседания... Европейский суд отмечает: несмотря на то что рассматриваемое национальным судом дело затрагивало права нескольких тысяч человек, из материалов дела не следует, что в указанные дни здание суда было окружено толпами людей. Европейский суд полагает, что власти Российской Федерации не привели ни одного довода, способного убедить его в том, что разрешение доступа в судебное заседание общественности угрожало бы общественному порядку или повлияло бы на длительность разбирательства по делу... Не было приведено причин, обосновывающих отказ в проведении открытого судебного заседания". С учетом сказанного ЕСПЧ признал в данном деле нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

Важно отметить, что в некоторых случаях Европейский суд допускает отказ суда от проведения **устных слушаний**, если такой отказ обусловлен наличием в деле исключительных обстоятельств, допускающих рассмотрение дела без заслушивания лиц. Например, в деле "Яковлев против России" ЕСПЧ указал следующее: "...нет необходимости в проведении судебного слушания, если сторона по делу недвусмысленно отказывается от своего права на его проведение и если отсутствует общественный интерес, который делает обязательным данное слушание. Отказ от права на проведение судебного слушания может быть выражен явно или посредством молчания, например, не подавая требования о проведении устного слушания или не поддерживая его. Судебное слушание может быть также необязательно в связи с особенностями дела, например, когда возникают вопросы фактов и права, которые могут быть рассмотрены на основании материалов дела и письменных доводов сторон"⁷⁰.

В то же время следует обозначить и позицию Суда, согласно которой отказ суда от проведения устных слушаний не может производиться автоматически - заявитель может потребовать проведения устных слушаний, а суд, если уклоняется от их проведения, должен представить подробные пояснения такого отказа. Причем в ситуациях, когда внутреннее законодательство исключает для заинтересованного лица возможность требовать проведения устных слушаний, имеет место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

Обращает на себя внимание и позиция Европейского суда о том, что в зависимости от правил национального судопроизводства и судопроизводства устные слушания могут стать обязательными при рассмотрении дела в суде не только первой, но и апелляционной инстанции.

Во-вторых, составляющей аспекта публичности судебного разбирательства является **эффективное участие в слушаниях**, сущность которого состоит в том, что заявитель должен не просто иметь возможность присутствовать в судебном заседании, но и эффективно реализовать свое право на защиту.

Например, при рассмотрении дела "Мохов против России"⁷¹ Европейский суд пришел к выводу о том, что заявитель был лишен возможности представить в национальном суде свои доводы по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации как лично, так и через

---

⁷⁰ Постановление ЕСПЧ от 15 марта 2005 г. по делу "Яковлев против России" (Yakovlev v. Russia, N 72701/01).

⁷¹ Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2010 г. по делу "Мохов против России" (Mokhov v. Russia, N 28245/04).

представителя. Причем национальный суд не предпринимал попыток разъяснить заявителю, что его интересы в судебном заседании могут быть представлены адвокатом или иным лицом по его выбору, а вышестоящий суд не считал нужным исправить ситуацию, несмотря на специальное указание заявителя на нарушение принципа равенства сторон. Исходя из этого Европейский суд сделал вывод о том, что национальные суды не предприняли мер для обеспечения эффективного участия заявителя в гражданском процессе.

В-третьих, Европейский суд оценивает публичность судебного разбирательства исходя из **открытости судебного процесса**, т.е. возможности присутствовать на судебных заседаниях публики (общественности). Причем требование об открытости судебного процесса распространяется на все судебные инстанции, хотя Европейский суд признает, что реализация данного требования может зависеть от характера спора или стадии рассмотрения дела.

В то же время согласно п. 1 ст. 6 Конвенции обстоятельствами, исключаящими возможность доступа в судебное заседание представителей общественности и средств массовой информации, могут служить соображения морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе. Помимо этого публичный порядок судопроизводства может быть ограничен в интересах несовершеннолетних детей или для защиты частной жизни. Приведенный перечень не является исчерпывающим, так как Конвенция предоставляет суду право в особых случаях отказаться от публичности, если иное нарушило бы интересы правосудия.

Европейский суд отмечал, что национальным властям государств-ответчиков необходимо оставить широкое поле усмотрения для установления справедливого равновесия между интересами публичности судопроизводства, с одной стороны, и интересами сторон или третьего лица в сохранении тайны сведений личного характера - с другой. Пределы такого усмотрения, по его мнению, зависят от таких факторов, как природа и важность интересов, а также степень вмешательства.

В-четвертых, еще одними составляющими публичности судебного разбирательства являются **публичность вынесения судебного решения и доступность судебных документов**, что подразумевает публичное объявление судебного решения и передачу его в канцелярию суда для ознакомления всех заинтересованных лиц.

Важно, что форма оглашения решения национальным судом оценивается Европейским судом на основании положений национального законодательства государства-ответчика (с учетом особенностей национальной судебной процедуры)⁷². При этом возможность ознакомления с судебными документами не ставится Европейским судом в зависимость от предписаний национального законодательства: такое право должно быть предоставлено **всем лицам**, проявившим интерес в ознакомлении с судебными документами по делу (в том числе и тем, которые не являлись участниками судебного процесса), и не допускает каких-либо ограничений.

Изложенная позиция была сформулирована в прецедентном деле "Претто и другие против Италии"⁷³, в Постановлении по которому Суд указал следующее. Цель, преследуемая п. 1 ст. 6 Конвенции (в контексте данного дела состоящая в обеспечении контроля общественности за правосудием в целях гарантии права на справедливый суд), может достигаться путем передачи полного судебного решения в канцелярию суда. Это делает мотивированное (полное) судебное решение общедоступным в той же мере, как и его публичное оглашение (тем более что оглашение нередко ограничивается объявлением только резолютивной части судебного решения).

---

⁷² Европейский суд подчеркнул существование в разных государствах разных традиций публичного объявления судебных решений, которые не предполагают обязательного зачитывания вслух мотивированного (полного) решения, а предусматривают и другие средства доведения их содержания до сведения публики (Постановление ЕСПЧ от 22 февраля 1984 г. по делу "Суттер против Швейцарии" (Sutter v. Switzerland, N 8209/78)).

⁷³ Постановление Европейского суда от 8 декабря 1983 г. по делу "Претто и другие против Италии" (Pretto and Others v. Italy, N 7984/77).

При рассмотрении дела "Рякиб Бирюков против России"⁷⁴ Европейский суд установил, что имело место объявление **только резолютивной части судебного решения** по гражданскому делу заявителя. При этом общественность не получила доступа к мотивированному (полному) судебному решению и, соответственно, не могла уяснить причин и мотивов отклонения судом исковых требований заявителя. Анализируя возможность доступа общественности к судебным документам, Европейский суд изучил Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 января 1999 г., в п. 181 которого содержался исчерпывающий список лиц, которые могли ознакомиться с материалами дела: к ним были отнесены стороны процесса, их представители, другие лица, участвующие в процессе, судьи и другие ответственные работники вышестоящих судов, прокуроры и работники системы Судебного департамента. Пункт 184 Приказа содержал список лиц, которым могли быть выданы (по усмотрению председателя суда или судьи) копии документов из материалов дела: это стороны гражданского дела, подсудимый, осужденный, оправданный, потерпевший и их представители⁷⁵. Изучение этого Приказа дало Европейскому суду основания для вывода о том, что содержащиеся в нем предписания ограничили доступ общественности к текстам мотивированных (полных) судебных решений; такой доступ предоставлен лишь ограниченному кругу лиц, что не позволяет рассматривать судебное разбирательство как публичное. Учитывая, что публичность судебного разбирательства защищает участников судебного процесса от "тайного" осуществления правосудия (без контроля общественности), что обеспечивает доверие к судам различных инстанций, и исходя из того, что в демократическом обществе право на суд имеет основополагающее значение, в силу чего ограничительное толкование этого права не будет соответствовать цели и предназначению нормы п. 1 ст. 6 Конвенции, Европейский суд постановил, что в настоящем деле имело место нарушение данной статьи Конвенции.

По итогам рассмотрения данного дела Европейским судом был сделан следующий вывод. Названные аспекты публичности судебного разбирательства (**публичность вынесения судебного решения и доступность судебных документов**) будут соблюдены, если:

- 1) текст полного (мотивированного) решения доступен для каждого, кто хочет с ним ознакомиться;
- 2) полное решение суда первой инстанции оглашено в открытом судебном заседании, а суд вышестоящей инстанции провел открытое судебное заседание;
- 3) любое интересующееся лицо может получить текст мотивированного (полного) решения по любому делу, а наиболее важные решения публикуются в официальном издании.

Нарушение публичности судебного разбирательства, как подчеркнул Суд, будет иметь место в тех случаях, когда судебное решение вынесено приватно и недоступно общественности.

6. Аспекты правовой определенности и приведения в исполнение окончательного судебного решения

Очевидным является то, что для заинтересованного лица важно не только и даже не столько право **инициировать** судебное разбирательство, сколько получить положительное для него судебное решение и реализовать содержащуюся в этом решении резолюцию суда.

С учетом этого Европейский суд в своей практике неоднократно подчеркивал, что закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции право на суд не исчерпывается правом на обращение в суд, а охватывает и право на исполнение окончательного судебного решения. В частности, эта позиция была сформулирована в деле "Хорнсби против Греции"⁷⁶, в котором Европейский суд поддержал жалобу заявителя, который указывал на то, что отказ исполнительной власти исполнить решение

⁷⁴ Постановление ЕСПЧ от 17 января 2008 г. по делу "Рякиб Бирюков против России" (Ryakib Biryukov v. Russia, N 14810/02).

⁷⁵ Новый Приказ Судебного департамента от 29 апреля 2003 г. N 36 содержит аналогичные положения.

⁷⁶ Постановление ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. по делу "Хорнсби против Греции" (Hornsby v. Greece).

Государственного совета нарушает его право на суд.

Применительно к России эта позиция была отражена в Постановлении по первому делу "Бурдов против России", в котором Европейский суд, подчеркнув обязательность исполнения окончательных судебных актов, указал: "Право на суд было бы иллюзорным, если бы правовая система государства - участника Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы недействующим в ущерб одной из сторон. Было бы непостижимым, если бы статья 6 (п. 1) Конвенции, описывая детально процессуальные гарантии, предоставленные спорящим сторонам... не защищала при этом исполнение судебных решений"⁷⁷. Эта позиция отражена и во всех последующих постановлениях Европейского суда по жалобам против России, предметом которых было неисполнение или длительное неисполнение окончательных судебных актов.

Изложенная позиция Европейского суда нередко толкуется отечественными правоведами как обосновывающая рассмотрение исполнительного производства в качестве составной части судебного разбирательства, т.е. позволяющая расценивать в качестве процессуальных те правоотношения, которые имеют место уже после окончания производства по делу - при принудительном исполнении окончательного судебного решения.

Такая расширительная трактовка позиции Европейского суда вызывает возражения.

Гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции право на суд действительно требует не только формальной реализации этого права (вынесения судебного решения по делу), но и реального исполнения содержащейся в решении резолюции. Однако это не означает объединения процесса по разрешению дела в суде (судебного разбирательства) и процедуры принудительного исполнения окончательного решения.

Сами названные процедуры - судебное разбирательство и исполнение судебного решения - совершенно различны. Разграничивая их, следует отметить, что:

- они имеют различный субъектный состав: субъектами судебного разбирательства являются государственный суд (орган судебной власти) и иные участники; субъектами процедуры принудительного исполнения - служба судебных приставов (орган исполнительной власти) и участники исполнительной процедуры (взыскатель; должник; лица, непосредственно исполняющие требования судебного решения; лица, оказывающие содействие в принудительном исполнении судебного решения);

- они регулируются разным законодательством: судебное разбирательство - нормами процессуального законодательства (АПК РФ и ГПК РФ), процедура принудительного исполнения - нормами законодательства об исполнительном производстве (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве");

- перед ними стоят различные задачи: применительно к судебному разбирательству можно говорить о задаче защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав и интересов, применительно к процедуре принудительного исполнения - о правильном и своевременном исполнении окончательного судебного решения и т.д.;

- только окончание судебного разбирательства с вынесением судебного решения по существу дела при условии отсутствия добровольного исполнения окончательного судебного решения создает предпосылки для возбуждения процедуры принудительного исполнения этого решения, т.е. процедура принудительного исполнения во многих случаях является факультативной.

В силу сказанного нет никаких причин рассматривать в качестве единой процедуры **судебное разбирательство и процедуру принудительного исполнения** окончательного судебного акта. Однако принудительное исполнение окончательного судебного решения (в условиях отсутствия его добровольного исполнения) позволяет в полной мере реализовать и цель судебного разбирательства, состоящую в реальной и эффективной защите прав, что и

---

⁷⁷ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу "Бурдов против России" (Burdov v. Russia, N 59498/00).

обуславливает прочную связь между этими различными по своей правовой природе процедурами. Вследствие этого Европейский суд и рассматривает исполнение судебного решения в качестве неотъемлемой части права на суд.

Так, в деле "Глушакова против России" ЕСПЧ указал, что, "не исполняя в течение нескольких лет вступившее в законную силу решение, вынесенное в пользу заявительницы, власти Российской Федерации нарушили сущность ее права на доступ к суду и воспрепятствовали ей в получении денежных средств, которые она разумно ожидала получить"⁷⁸.

Правовая определенность обычно понимается как один из фундаментальных принципов доктрины верховенства права. Вместе с тем применительно к судебному разбирательству она трактуется несколько в ином ключе - как **недопустимость возможности пересмотра окончательного судебного решения, если такой пересмотр обусловлен только наличием противоположных точек зрения сторон по одному вопросу и нацелен на получение иного решения по спору** (т.е. является скрытой формой обжалования).

Например, в деле "Рябых против России"⁷⁹ Европейский суд указал следующее: "Одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который, среди прочего, устанавливает, что принятое судом окончательное решение не может подвергаться сомнению... Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*... то есть принципа окончательности судебных решений. Этот принцип закрепляет, что ни одна из сторон не вправе требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу решения просто в целях повторного слушания и вынесения нового решения по делу. Полномочия вышестоящего суда по пересмотру дела должны осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не подменять собой пересмотр. Пересмотр не может считаться скрытой апелляцией, а простое наличие двух точек зрения по одному вопросу не является основанием для повторного рассмотрения дела. Отступления от этого принципа оправданны только тогда, когда они необходимы в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера".

С учетом сказанного национальные суды могут использовать свои полномочия по отмене или изменению вступившего в законную силу судебного решения нижестоящей инстанции только с целью исправления **фундаментальных нарушений**, когда этого требуют обстоятельства существенного и непреодолимого характера. В связи с этим национальным институтам надзорного производства неоднократно давалась критическая оценка⁸⁰.

Правовая определенность подразумевает под собой уважение к окончательному судебному решению, и необоснованная отмена такого решения подрывает само право на суд, делая его эфемерным, иллюзорным. Следовательно, право на суд требует не только соблюдения процессуальных стандартов и доступности судебной защиты как таковой, но и стабильности принимаемого по делу акта.

Европейский суд исходит из того, что не только явно необоснованная отмена судебного акта, но и неоднократный пересмотр дела заново ввиду допущенных ранее нарушений несовместим с требованиями справедливого судебного разбирательства. Так, в деле "Вершинин против России"⁸¹ ЕСПЧ установил, что серьезная задержка в разбирательстве недостаточно сложного дела была вызвана неоднократной его передачей в суд первой инстанции, решения которого трижды отменялись в ходе кассационной проверки и надзорного пересмотра из-за допущенных при рассмотрении дела нарушений законодательства. Европейский суд напомнил уже высказанные в

---

⁷⁸ Постановление ЕСПЧ от 10 мая 2007 г. по делу "Глушакова против России" (Gushakova v. Russia, N 23287/05).

⁷⁹ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. дело "Рябых против Российской Федерации" (Ryabukh v. Russia, N 52854/99).

⁸⁰ См., например: Постановления ЕСПЧ от 25 июля 2002 г. по делу "Совтрансавто-Холдинг против Украины" (Sovtransavto Holding v. Ukraina, N 48553/99), от 20 июля 2004 г. по делу "Никитин против России" (Nikitin v. Russia, N 50178/99), от 5 апреля 2005 г. по делу "Волкова против России" (Volkova v. Russia, N 48758/99).

⁸¹ Постановление ЕСПЧ от 11 апреля 2013 г. по делу "Вершинин против России" (Vershinin v. Russia, N 9311/05).

отношении эффективности функционирования российской системы правосудия и стабильности принимаемых судебных актов позиции: 1) право на разбирательство дела даже в разумные сроки было бы лишено всякого смысла, если бы национальные суды рассматривали дело по несколько раз (см., например, дело "Светлана Орлова против России"⁸²); 2) поскольку возвращение дела на новое рассмотрение обычно вызвано ошибками, допущенными нижестоящими судами, повторение тех же указаний в рамках разбирательства одного и того же дела может свидетельствовать о недостатках функционирования правовой системы (дело "Фалимонов против России"⁸³).

Кроме того, необходимо учитывать и подход ЕСПЧ к оценке существенности обстоятельств, вызывающих необходимость отмены вступившего в законную силу судебного акта. Так, в деле "Горфункель против России"⁸⁴ Европейский суд напомнил свою устоявшуюся прецедентную практику: тот факт, что суд надзорной инстанции не согласился с толкованием материального права во вступившем в законную силу решении нижестоящего суда, сам по себе не является тем исключительным обстоятельством, которое требует отмены имеющего обязательную силу и исполнимого судебного акта, а также повторного рассмотрения требований заявителя⁸⁵.

В то же время необходимо отметить, что судебный контроль за вынесенными решениями далеко не всегда нарушает принцип правовой определенности. В некоторых случаях такой контроль признается не противоречащим ст. 6 Конвенции. Европейская комиссия по правам человека еще в решении по делу "Якоб Босс Сохне КГ против Германии"⁸⁶ определила цели и объем такого контроля: в случае признания и принудительного исполнения третейского решения государственный суд подтверждает, что процедура третейского разбирательства была справедливой и проведена с соблюдением прав сторон, установленных п. 1 ст. 6 Конвенции.

Принцип приведения в исполнение окончательного судебного решения напрямую связан с принципом правовой определенности - судебное решение должно не только обладать свойством "стабильности", но и быть исполнено. Окончательное судебное решение, обладающее свойствами обязательности и при этом неисполняемое, противоречит самой цели судебной защиты.

Несмотря на принятые в России меры по внедрению компенсаторного механизма в отношении случаев длительного неисполнения судебного решения, предполагающего взыскание бюджетных средств, как таковая проблема с неисполняемостью окончательных судебных актов все еще не получила должного внимания и практического разрешения. В особенности это касается дел, в которых исполнение предполагает совершение действий частным лицом (в том числе организацией), а не публично-правовым образованием. Позиция государства состоит в невозможности (или нецелесообразности) отвечать за уклонение такого лица от исполнения вступившего в законную силу судебного акта. При этом не принимаются в расчет даже те случаи, где неисполнение решения стало результатом незаконного бездействия государственных органов и должностных лиц.

Так, в деле "Пелипенко против России" ЕСПЧ установил, что вынесенное в пользу заявителей решение, обязывающее частную компанию предоставить им надлежащее жилое помещение, не исполнялось с 2002 г. до момента их обращения в международный суд (2010 г.) после исчерпания ими различных правовых средств, предусмотренных российским законодательством для обжалования бездействия судебных приставов-исполнителей. Многократные обращения в правоохранительные органы и суд привели к признанию бездействия

---

⁸² Постановление ЕСПЧ от 30 июля 2009 г. по делу "Светлана Орлова против России" (Svetlana Orlova v. Russia, N 4487/04). В этом случае дело заявительницы в течение почти двух лет было рассмотрено национальными судами шесть раз в двух судебных инстанциях.

⁸³ Постановление ЕСПЧ от 25 марта 2008 г. по делу "Фалимонов против России" (Falimonov v. Russia, N 11549/02)

⁸⁴ Постановление ЕСПЧ от 19 сентября 2013 г. по делу "Горфункель против России" (Gorfunkel v. Russia, N 42974/07).

⁸⁵ См. также: Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 г. по делу "Кот против России" (Kot v. Russia, N 20887/03).

⁸⁶ Решение Европейской комиссии по правам человека от 2 декабря 1991 г. по делу "Якоб Босс Сохне КГ против Германии" (Jakob Boss Söhne KG v. Germany, N 18479/91).

органа незаконным, а поведения ответчика - к "злостным уклонением" (в рамках гражданского, а не уголовного процесса), что, однако, никоим образом не повлияло на фактическое исполнение имеющего общеобязательное значение судебного акта. Произведенная по ходатайству заявителей замена способа исполнения решения суда (возложение на компанию обязанности выплатить заявителям сумму, эквивалентную стоимости двухкомнатной квартиры) не привела к какому-либо результату ввиду непринятия приставами-исполнителями предусмотренных законодательством мер, а также последующей утраты исполнительного листа и дела по нему. Вступивший в законную силу судебный акт не приводился в исполнение до момента возбуждения дела о банкротстве компании-ответчика, кроме того, в результате процедурных нарушений со стороны службы судебных приставов-исполнителей заявители не были включены в число кредиторов и, таким образом, утратили фактическую возможность получения исполнения вынесенного в их пользу судебного акта.

Признавая нарушение права на справедливое судебное разбирательство вследствие непринятия уполномоченным на это государственным органом адекватных мер для исполнения окончательного судебного решения, Европейский суд вновь напомнил ключевые позиции по вопросу об ответственности государства за неисполнение решений, вынесенных в отношении "частных" ответчиков:

- государство имеет позитивное обязательство по установлению системы исполнения решений, которая является эффективной законодательно и на практике и обеспечивает их исполнение без ненадлежащей задержки (дело "Фуклев против Украины"⁸⁷). В делах, требующих действий со стороны частного должника, государство как носитель публичной власти обязано принимать разумно доступные меры для содействия во взыскании любой задолженности, основанной на судебном решении, содействовать кредитору в его исполнении. В отношении правовой системы России это предполагает "старательное и тщательное" исполнение своих функций службой судебных приставов;

- если государством предприняты адекватные и достаточные меры, на него не может быть возложена ответственность за уклонение "частного" ответчика от погашения задолженности; в случае же уклонения государства от обеспечения эффективного исполнения решения против частного лица ЕСПЧ налагает на государство обязательство вмешаться и выплатить заявителю присужденную решением сумму вместо частного должника (дело "Кунашко против России"⁸⁸).

В итоге рассмотрения дела Европейский суд констатировал, что, уклоняясь в течение многих лет от принятия адекватных и эффективных мер для обеспечения реализации вступившего в законную силу судебного решения, национальные власти лишили положения п. 1 ст. 6 Конвенции всякого полезного действия.

7. Аспект разумности срока судебного разбирательства

Значимость соблюдения требования о разумности срока судебного разбирательства при разрешении дела в суде и исполнении вынесенного судебного акта постоянно подчеркивается Европейским судом, который исходит из необходимости максимально возможного сокращения продолжительности состояния, обозначаемого термином **"состояние правовой неопределенности"**.

"Состояние правовой неопределенности" считается возникшим у лица в момент нарушения его прав или законных интересов и существует вплоть до окончательного разрешения дела и восстановления нарушенных прав заявителя (либо до вынесения мотивированного отказа в удовлетворении его требований). Причем Европейский суд исходит из того, что для вывода о соблюдении права на суд недостаточно вынесения окончательного судебного решения,

⁸⁷ Постановление ЕСПЧ от 17 апреля 2014 г. по делу "Фуклев против Украины" (Fuklev v. Ukraina, N 50264/08).

⁸⁸ Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 2009 г. по делу "Кунашко против России" (Kunashko v. Russia, N 36337/03).

вступившего в законную силу и обязательного для исполнения, - необходимо **реальное исполнение** этого судебного решения. Позиция Европейского суда нашла отражение в неоднократно процитированном в отечественных публикациях высказывании по делу "Бурдов против России"⁸⁹ об иллюзорности права на суд в условиях, когда окончательное судебное решение остается неисполненным (см. выше).

Вследствие сказанного в срок "состояния правовой неопределенности" Европейским судом включается весь период с момента обращения заинтересованного лица с соответствующими требованиями в административные или судебные органы до момента фактического исполнения окончательного судебного решения по этому делу. Всякая необоснованная задержка как при рассмотрении данного требования, так и при исполнении вступившего в законную силу судебного акта по делу продлевает "состояние правовой неопределенности", что, по мнению Европейского суда, недопустимо.

Необоснованное продление "состояния правовой неопределенности" как при разбирательстве дела в суде, так и при исполнении окончательного судебного решения неоднократно фиксировалось Европейским судом при рассмотрении жалоб против России. Признавая судебное разбирательство не соответствующим требованию разумности срока, Европейский суд, как правило, указывает на нарушение права заявителя на суд.

Сформировавшаяся практика Европейского суда (далее будут анализироваться преимущественно дела, касающиеся гражданских прав, вынесенные по жалобам против России) не содержит, да и не может содержать указаний на то, какой срок является "разумным", равно как и не определяет границы "разумности" срока: в каждом случае этот вопрос решается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Однако при определении разумности срока судебного разбирательства Европейский суд обычно учитывает следующие аспекты.

Во-первых, **сложность дела**. Неоднократно, признавая чрезмерно длительным срок судебного разбирательства, Суд указывал на то, что судебное дело, касательно которого подана жалоба, не было особо сложным (например, "Кормачева против России"⁹⁰, "Зименко против России"⁹¹, "Скоробогатова против России"⁹², "Кузин против России"⁹³, "Георгий Николаевич Михайлов против России"⁹⁴).

Не устанавливая специальных критериев, Суд вместе с тем соглашается признавать сложность дела (правовую или фактическую) в ситуации, в частности, когда: является сложной сама сфера правового регулирования, в рамках которой возникли отношения между истцом и ответчиком; в гражданском деле участвуют несколько истцов и (или) несколько ответчиков; представление доказательств по делу было осложнено необходимостью их собирания за рубежом; по делу было необходимо проведение ряда экспертиз или исследование большого объема материалов и т.п.

Во-вторых, **поведение заявителя в судебном процессе**. Европейский суд по общему правилу учитывает, не стали ли причиной задержек судебного разбирательства действия либо бездействие самого заявителя. Затягивание процесса по вине заявителя может иметь место, например, в случаях, если заявитель или его адвокат не являлись в судебные заседания в национальных судах и (или) не выполняли иные процессуальные требования либо заявитель направил в суд множество ходатайств и запросов в отношении дела и т.д. (см., например, дела "Серегина против России"⁹⁵, "Племянова против России"⁹⁶, "Леханова против России"⁹⁷).

⁸⁹ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу "Бурдов против России" (Burdov v. Russia, N 59498/00).

⁹⁰ Постановление ЕСПЧ от 29 января 2004 г. по делу "Кормачева против России" (Kormacheva v. Russia, N 53084/99).

⁹¹ Постановление ЕСПЧ от 23 июня 2005 г. по делу "Зименко против России" (Zimenko v. Russia, N 70190/01).

⁹² Постановление ЕСПЧ от 1 декабря 2005 г. по делу "Скоробогатова против России" (Skorobogatova v. Russia, N 33914/02).

⁹³ Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. по делу "Кузин против России" (Kuzin v. Russia, N 22118/02).

⁹⁴ Постановление ЕСПЧ от 1 апреля 2010 г. по делу "Георгий Николаевич Михайлов против России" (Georgiy Nikolayevich Mikhaylov v. Russia, N 4543/04).

⁹⁵ Постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2006 г. по делу "Серегина против России" (Seregina v. Russia, N 12793/02).

В то же время Европейский суд не считает верным упрекать заявителя в том, что в процессе разбирательства его дела в национальном суде он пытался использовать все доступные ему средства правовой защиты, предоставленные внутригосударственным законодательством (см., например, дело "Шнейдерман против России"⁹⁸, а также упомянутое дело "Скоробогатова против России").

При этом Суд обычно оценивает целесообразность использования таких средств: в одних случаях они признаются необходимыми (например, неоднократные изменения (уточнения) исковых требований и вызов в судебное заседание дополнительных свидетелей) (см., в частности, дела "Коломиец и Коломиец против России"⁹⁹, "Марченко против России"¹⁰⁰); в других - расцениваются как затягивание процесса самим заявителем, если им избран неверный способ реализации процессуальных прав (например, неоднократные ходатайства заявителя об отложении судебного заседания с целью предоставления дополнительных доказательств) (см., в частности, дело "Савенко против России"¹⁰¹). В тех случаях, когда задержка процесса имела место по вине самого заявителя, ее срок вычитается из общей продолжительности судебного разбирательства, а "оставшийся" период уже исследуется на предмет того, можно ли признавать его чрезмерно затянутым.

В-третьих, поведение и добросовестность суда, а также иных органов государственной власти и должностных лиц. При решении вопроса о том, имело ли место нарушение разумного срока судебного разбирательства, Европейский суд отталкивается от оценки поведения судьи (суда), непосредственно рассматривающего дело (или лица, исполняющего вступившее в законную силу судебное решение, если речь идет об исполнении судебного решения, и проч.). Иными словами, основанием для вывода о нарушении требования о разумности срока судебного разбирательства является оценка действий суда и его добросовестности при рассмотрении дела: в ситуации, когда национальный суд неосновательно бездействует в течение продолжительного времени или допускает ряд ошибок, необоснованно удлиняющих период судебного разбирательства, налицо нарушение разумного срока. Поэтому даже задержка в предоставлении судебного акта по делу расценивается как затягивание судебного разбирательства по вине суда (см., например, дело "Раш против России"¹⁰²).

Длительная задержка в рассмотрении дела судом может быть связана с болезнью судьи или неоднократным его участием в других судебных заседаниях (см., например, дела "Романенко и Романенко против России"¹⁰³, "Шеломков против России"¹⁰⁴, "Волович против России"¹⁰⁵, упомянутое дело "Зименко против России") либо возникнуть по иной причине (так, Суд счел удивительным, что национальным судебным властям потребовалось более шести лет для установления суда, компетентного рассматривать требование о разделе имущества супругов, нажитого во время брака) (упомянутое дело "Коломиец и Коломиец против России"). Небезынтересно, что в одном из постановлений Европейский суд указал следующее: "Тот факт, что судья, рассматривавший дело заявительницы, позднее был обвинен в несоблюдении сроков рассмотрения дела и на этом основании его статус был прекращен, служит доказательством

---

⁹⁶ Постановление ЕСПЧ от 15 октября 2009 г. по делу "Племянова против России" (Plemyanova v. Russia, N 27865/06).

⁹⁷ Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2009 г. по делу "Леханова против России" (Lekhanova v. Russia, N 43372/06)

⁹⁸ Постановление ЕСПЧ от 11 января 2007 г. по делу "Шнейдерман против России" (Shneyderman v. Russia, N 36045/02).

⁹⁹ Постановление ЕСПЧ от 22 февраля 2007 г. по делу "Коломиец и Коломиец против России" (Kolomiyets and Kolomiyets v. Russia, N 76835/01).

¹⁰⁰ Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу "Марченко против России" (Marchenko v. Russia, N 29510/04).

¹⁰¹ Постановление ЕСПЧ от 14 июня 2007 г. по делу "Савенко против России" (Savenko v. Russia, N 28693/03).

¹⁰² Постановление ЕСПЧ от 13 января 2005 г. по делу "Раш против России" (Rash v. Russia, N 28954/02).

¹⁰³ Постановление ЕСПЧ от 19 октября 2006 г. по делу "Романенко и Романенко против России" (Romanenko and Romanenko v. Russia, N 9457/02).

¹⁰⁴ Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу "Шеломков против России" (Shelomkov v. Russia, N 36219/02).

¹⁰⁵ Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу "Волович против России" (Volovich v. Russia, N 10374/02).

обоснованности заключения о чрезмерной длительности судопроизводства" (дело "Рубцова против России"¹⁰⁶).

Помимо указанного на суд возлагается ответственность не только за собственные действия, но и за действия участвующих в деле лиц в условиях, когда суд не предпринял все от него зависящее, чтобы избежать задержки в разбирательстве дела. Так, Европейский суд не раз негативно оценивал бездействие суда, когда оно приводило к чрезмерной длительности судебного разбирательства, в частности отсутствие реакции суда на неоднократные неявки участвующих в деле лиц в судебные заседания (см., например, дело "Кесьян против России"¹⁰⁷).

Подлежат оценке и действия иных органов государственной власти и должностных лиц государства в смысле их возможного влияния на затягивание судебного процесса, если они были обязаны участвовать в судебном процессе: это, в частности, органы прокуратуры, эксперты, судебные приставы (см., например, дела "Ярославцев против России"¹⁰⁸, "Саликова против России"¹⁰⁹).

В-четвертых, **важность для заявителя рассматриваемых вопросов.** Данный критерий, возможно, не является определяющим, однако он обязательно учитывается при рассмотрении дел о чрезмерности срока судебного разбирательства. Европейский суд исходит из того, что в ситуациях, когда судебное разбирательство имеет решающее значение для заявителя, оно требует от судов не только особого внимания (особой тщательности), но и оперативности. В частности, Европейский суд признает, что судебное разбирательство по восстановлению заявителя на работе весьма значимо для него, т.е. споры о трудоустройстве должны рассматриваться с особой быстротой (см., например, дела "Евгений Степанович Бирюков против России"¹¹⁰, "Макарова против России"¹¹¹, а также упоминавшиеся дела "Кормачева против России" и "Зименко против России"). К важным для заявителя отнесены и дела, связанные с травматизмом и возмещением вреда здоровью (см., например, дело "Саламатина против России"¹¹²), с решением вопросов относительно средств к существованию, в частности с расчетом пособия по инвалидности (см., например, дело "Козьяк против России"¹¹³).

Уже указывалось, что Европейский суд, как правило, исключает из срока судебного разбирательства периоды, когда затягивание разбирательства происходило по инициативе заявителя (с этой целью изучаются ходатайства заявителя, причины смены его адвоката, если таковая имела место, обоснованность отсутствия заявителя в судебных заседаниях и т.д.). В то же время ничем не оправданные действия государственных органов по затягиванию рассмотрения требований заявителя, равно как и подобное поведение судов (необоснованный отказ в принятии исковых заявлений, соединение или разъединение дел, замена судей, отложение разбирательства и т.д.), расцениваются как факты, приводящие к нарушению требования разумности срока судебного разбирательства.

В том случае, если при рассмотрении жалобы Европейский суд устанавливает, что органами государства - участника Конвенции было допущено нарушение разумности срока судебного разбирательства, Суд констатирует нарушение этим государством п. 1 ст. 6 Конвенции (и в некоторых случаях присуждает заявителю компенсацию, предусмотренную ст. 41 Конвенции). Причем важно, что Суд в своих постановлениях может не только констатировать факт нарушения государством-ответчиком принятых на себя обязательств и присудить заявителю компенсацию, но

¹⁰⁶ Постановление ЕСПЧ от 13 января 2011 г. по делу "Рубцова против России" (Rubtsova v. Russia, N 22554/04).

¹⁰⁷ Постановление ЕСПЧ от 19 октября 2006 г. по делу "Кесьян против России" (Kesyana v. Russia, N 36496/02).

¹⁰⁸ Постановление ЕСПЧ от 2 декабря 2004 г. по делу "Ярославцев против России" (Yaroslavtsev v. Russia, N 42138/02).

¹⁰⁹ Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2010 г. по делу "Саликова против России" (Salikova v. Russia, N 25270/06).

¹¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 2004 г. по делу "Евгений Степанович Бирюков против России" (Yevgeniy Stepanovich Birjukov v. Russia, N 63972/00).

¹¹¹ Постановление ЕСПЧ от 24 февраля 2005 г. по делу "Макарова и другие против России" (Makarova and Others v. Russia, N 7023/03).

¹¹² Постановление ЕСПЧ от 1 марта 2007 г. по делу "Саламатина против России" (Salamatina v. Russia, N 38015/03).

¹¹³ Постановление ЕСПЧ от 13 января 2010 г. по делу "Козьяк против России" (Kozyak v. Russia, N 25224/04).

и отметить существующие пробелы или недостатки в законодательстве, административной или судебной практике этого государства¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Подробнее см.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок (на основе анализа судебной практики по гражданским делам) // Приложение к журналу "Хозяйство и право". 2014. N 6.